

Бригадир державы

Сергей Шхиян

Нити судьбы

2006

Шхиян С.

Нити судьбы / С. Шхиян — 2006 — (Бригадир державы)

Он хотел всего лишь съездить на пикник. Но врата времени открылись и забросили его в далекое прошлое. И теперь он не простой российский парень. Он – БРИГАДИР ДЕРЖАВЫ. В его руках – штурвал истории. В его памяти – будущее России...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Шхиян

Нити судьбы

Пролог

Собака внезапно проснулась и тревожно подняла голову. Где-то очень высоко за облаками нудно ныл большой комар, Звук был чужой, незнакомый. Она насторожилась, но почему-то решила, что он не опасен и успокоилась. Потом собака встала. Далекий гул постепенно стихал, быстро перемещаясь по небу. Она подняла морду и понюхала воздух. Что-то с ним было не так, она это почувствовала и опять встревожилась. Потом посмотрела на двух лежащих на земле людей, мужчину и женщину. Те мирно спали на шубах, брошенных на желтый ковер из опавших листьев. Тревога отступила. Кругом было тихо, покойно, как бывает тихо и покойно только в светлом осеннем лесу в ясную, безветренную погоду.

Собака была большой, серой, с мощными лапами, широкой грудью и яркими желтыми глазами. В ней угадывалась дикая лесная сила, а то и волчья кровь. На первый взгляд она и казалась волком, только внимательно приглядевшись можно было заметить, что шея у нее тоньше, чем обычно бывает у волков, к тому же со следами ошейника, глубоко врезавшегося в тело.

Успокоившись, собака легла рядом с женщиной, тяжело вздохнула, положила морду на вытянутые вперед лапы и закрыла глаза. Лишь чуткие настороженные уши говорили о том, что она не спит, и готова при малейшей опасности поднять тревогу.

Женщина лежала на спине, на шубе, подогнув одну ногу и вытянув другую. Эта вторая, вытянутая нога была видна почти до колена из-под завернувшегося подола. Она была голой, без чулка и обута в высокий, шнурованный сыромятными ремешками, странного вида сапог. Когда-то красивый, красный, украшенный бисерной вышивкой, он был разбит и заношен до дыр. Остроносый, на совершенно плоской, без намека на каблук, подошве, сапог имел симметричные правую и левую стороны. Его толстая подошва, сплоченная из нескольких слоев бычьей кожи, была подбита мелкими деревянными гвоздиками. Такие сапоги носили очень давно, в седую старину, когда не умели шить обувь по колодке, повторяющей форму ноги.

Осенняя прохлада уже давала себя знать, женщина озябла и повернулась на бок, тем потревожив собаку. Та открыла глаза и, подняв голову, смотрела, как голая нога прячется в подбой темно-бурого собольего меха красной бархатной шубы. Эта длинная и широкая шуба была небрежно брошена прямо на павшую листву и женщина в мешковатом заношенном сарафане лежала на ней как нечто инородное, вызывая удивление полным несоответствием разных деталей своей одежды.

Впрочем, удивлять здесь было некого, разве что ее спутника, но он и сам был одет не менее странно. На нем был разодранный бархатный камзол, посконные, домотканого холста крестьянские штаны и невообразимая старинная обувь, так называемые «поршни», подошва с войлочным верхом, привязанная ремнями к ногам.

Мужчина лежал на спине, задрал вверх, стриженную каштановую бороду. На шее у него был заметен свежий, неровно зарубцевавшийся шрам, а под волосами, остриженной скобкой головы, воспаленный багровый рубец. У него были мягкие славянские черты лица и по детски пухлые губы. Снилось ему что-то неприятное, он временами кривился и хмурился.

Несмотря на то, что день был в разгаре, странная парочка крепко спала, и ей даже не мешали лучи осеннего солнца. Однако когда невдалеке в лесу раздалось несколько негромких выстрелов, собаку и мужчину будто подбросило одной мощной пружиной. Пес, вскочив на ноги, застыл в боевой стойке, а мужчина молниеносно обнажил саблю. Теперь его лицо трудно

было посчитать мягким, оно стало напряженным, подозрительным, глаза прищурились, словно в ожидании беды...

Глава 1

Я вскочил на ноги, еще не понимая, где я и что происходит. Марфа тоже проснулась и, сжавшись, лежала на своей собольей шубе. Она сонными глазами испугано смотрела на нас с Полканом.

– Это что, было? – спросила девушка. – Где это мы?

– Не знаю, – ответил я, напряженно вглядываясь в просветы между деревьями. Вокруг был самый обычный лес. Задаться вопросом, как мы сюда попали, я не успел. Со сна в голове было мутно, еще не отошли кошмарные видения, и я не совсем реально оценивал окружающее.

Что нас всех разбудило, я так и не понял. Возможно, какой-нибудь подозрительный шум. Пока ничего страшного и опасного я не видел и немного расслабился. Спросил девушку:

– Как ты?

– Хорошо, – ответила она, поднимаясь на ноги. – Это тот самый лес? Что-то не похоже... Ты знаешь, мне снился странный сон о юродивом...

– Не знаю тот ли это лес, но боюсь, что о юродивом был не сон, – сказал я.

В памяти начали восстанавливаться последние события. Я вспомнил сколько промашек совершил и невольно выругался. Всегда неприятно понимать, что ты полный болван.

Вообще-то не только лес, но все, что с нами произошло, было ни на что не похоже. В двух словах о таких обстоятельствах можно сказать: «крупно попали», если же тему расширить, придется рассказать подробнее.

Меня зовут Алексей Крылов и тем, кто знаком с моими прошлыми похождениями, это имя, надеюсь, немного знакомо. Тем же, с кем мы встречаемся впервые, представляюсь: я, великовозрастный, тридцатилетний придурок российского происхождения, который вместо того, чтобы жить как простой, нормальный человек, радоваться солнышку, «рубить бабки», пить крепкое и есть сладкое, болтаться по тусовкам и распылять свой генофонд между тоскующими по мужской ласке женщинами, влез в такую авантюру, которая ничем хорошим кончиться не могла и не может! Тому свидетельство то, что со мной в данный момент происходило.

Началось все как невинная поездка за город. Полтора года назад, меня бросила жена, и я, пытаясь развеяться, поехал в провинцию, надеясь, вылечится от несчастной любви. Однако в этом «пикнике» все не задалось с самого начала. Мои спутники оказались скандальной пьянью, мы рассорились и расстались. Я остался один, но домой решил не возвращаться. Лето выдалось знойное, в Москве от жары плавился асфальт, и в городе ничего приятного кроме встречи с ненормальной тещи меня не ждало.

Продуманный заранее маршрут пришлось изменить, и я поехал наугад, что называется, куда глаза глядят. С этого непродуманного поступка и начались все последующие странные и невероятные приключения.

Надеюсь, о причине моего тогдашнего отъезда из столицы я рассказал внятно, попробую поделиться следствием.

Следствием же стало то, что в брошенной жителями деревни, почти на краю «географии», я познакомился с необычной женщиной, и она подбила меня участвовать в эксперименте по перемещению во времени. Сначала я в такую чушь, даже не поверил, но когда ее стараниями очутился в конце XVIII века, а точнее в 1799 году, вынужден был признать как ее правоту, так и собственное легкомыслие и авантюризм, как суровую, безжалостную реальность.

Что может делать современный человек, без специальной подготовки и навыков жизни в других суровых эпохах? Человек умеющий работать на компьютере, управлять машиной, ездить в метро, летать в самолетах, открывать краны с горячей и холодной водой, думаю, что не очень многое. Вернее будет сказать, делать он не умеет ровным счетом ничего. Единственный его удел – попытаться выжить. Вот я и выживал, как только мог.

Однако оказалось, что «наш человек», в данном конкретном случае, я имею в виду себя, если его прижмут обстоятельства, способен на очень многое. Причем в экстремальных условиях сносно работает не только головой и руками, но и остальными частями тела.

Не прошло и месяца, с того дня, когда я попал в чужое время, как уже неплохо устроился, безумно влюбился, женился и даже сделал любимой женщине ребенка. Восемнадцатый век оказался, прост, уютен и не потребовал особого навыка выживания. Примерно зная, какие исторические события должны произойти, можно было при желании даже сделать успешную карьеру. Однако на политику меня не потянуло, тем более что после перемещения у меня открылись совершенно фантастические способности к врачеванию.

Тут могло бы и кончиться это повествование. Сложись все по другому, а не так как получилось в реальности, завел бы я себе домик с садиком, любил жену, производил на свет детей, выращивал крыжовник и зарабатывал хорошие деньги, леча богатых соседей. Чем не жизнь в благостные патриархальные времена, когда по рекам текло молоко, а берега у них были исключительно кисельными, а не загаженными химическими отходами. Кстати, и вода в это время оказалась исключительно чистой и мокрой, а мед натуральным и необыкновенно сладким. Мало того, само общество, по мнению многих наших современников, было идеальным: всегда трезвые, трудолюбивые мужички почитали и слушались благородных господ, к которым и я надеялся принадлежать, а те, в свою очередь, боготворили и обожали благолепного русского государя и окружали отеческой заботой добрый народ.

Ан, нет! Взбрело в голову этому самому доброму царю, что моя жена, обычная крестьянская девушка, не крепостная «девка», а внучка несчастного императора Ивана Антоновича. С чего он так решил – я не знаю, может быть у него, и были на это причины, но идиллию нам с Алей, так зовут мою жену, император Павел Петрович испортил. Не успели мы насладиться медовым месяцем, как началась нескончаемая свистопляска. По приказанию государя кирасиры насильно увезли мою жену в Петербург, а я бросился ее выручать. В глазах так и замельтешили императоры, губернаторы, помещики, чиновники, разбойники, вельможи, истопники, приживалы, маньяки. Начались нескончаемые драки, побеги, дуэли, и прочее, и прочее, и прочее.

Короче говоря, обычная грустная история о любви и верности! Молодожены больше жизни любят друг друга, но злые люди и суровые обстоятельства мешают им жить долго и счастливо. Все как полагается, она прекрасна и верна, он воплощение мужества и самоотверженности. И при том что доля правды в этом, несомненно, была, рыцарь без страха и упрека оказался с небольшим брачком. Слабым и недостойным оказался он высокого посвящения в вечную любовь.

Как бы поделкатнее объяснить собственные гусарские пороки, чтобы не отвратить от себя, высокие и чистые девичьи сердца...

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу – бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Нежный наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый полный стан...

Не знаю, кто и что меня путало, коварный бес, живое воображение, или низкая мораль посткоммунистической России, но, спасая жену, я не сумел, мягче будет сказать, не всегда мог устоять против прелестных соблазнов. Кто ценит и восхищается женской красотой, меня поймет. Как там дальше у Пушкина?

Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский...

Согласен, сознаюсь, грешен во многом. Ну, а кто бы, я вас спрашиваю, на моем месте устоял? Когда барыни и барышни прелестны, ходят в пышных платьях с открытой грудью, и все свое время тратят на куртуазные отношения! Да, грешен, было у меня несколько любовных романов! Жене пару раз изменил, так ведь делал я это не с речными русалками, а с нашими же русскими женщинами! Однако прошу учесть, был неверен только жене, Родине не изменял никогда и ни с кем!

Да и как было устоять, когда нас с женой, разбросало не только по пространству, но и во времени. Я остался в восемнадцатом веке, она оказалась в двадцать первом. Я туда – она назад. Зато когда мне предложили с ней встречу, я ни минуты не раздумывая согласился и отправился в самое страшное на Руси время, в начало семнадцатого века.

Что такое смутное время, нам отчасти известно, сами в него попали, однако сравнивать его с семнадцатым веком невозможно, тогда были совсем другие масштабы бедствий. Очень плохо жилось на Руси в эту эпоху. При параличе власти, начались набеги диких соседних народов, на всех дорогах разбой, толпы бывших крестьян, ставших бомжами засели в лесах, короче говоря, наступил полный беспредел.

Выжить в таких условиях в одиночку оказалось сложно и вместо поисков жены, я едва успевал выкручиваться из смертельно опасных ситуаций. Так что воссоединить семью опять не получилось! Встретиться-то мы с женой, в конце концов, встретились, но ей к этому времени уже стукнуло восемьдесят лет и показаться мне старухой она не захотела.

В общем, личная жизнь так и не наладилась, зато я вляпался в большую политику: познакомился и подружился с двумя русскими царями. Пользы для меня от этого оказалось мало, одна головная боль. Случилось так, что я сорвал боярский заговор против законного государя и стащил у заговорщиков все их деньги. Причем не корысти ради, а исключительно для народного блага. И тут такое началось! Перед царем меня оговорили, придворную должность отобрали, объявили государевым преступником и на всех дорогах устроили засады. Так что ради сохранения живота своего пришлось мне пуститься в бега.

Тогда-то я и надумал вернуться домой, в наш замечательный, просвещенный, гуманный XXI век. Самым простым способом возвращения было воспользоваться каналом, по которому меня сюда забросили. Однако оказалось все не просто. Пока я добирался до нужного места, деревни, в которой жил проводник, только он мог отвести меня на тайную станцию службы времени, его угнали в рабство казаки. Пришлось, прежде чем вернуться, проводника вырвать, Само собой, начались кровавые разборки с казаками. А так как в драках иногда достается не только плохим парням, но и хорошим – получил и я саблей по голове. Пока я лечился после ранения, местный помещик по просьбе своей родственницы, мачехи моей сиделки, по имени Марфа, надумал нас сжечь в избе. Проводник, предупредил о готовящемся покушении, и нам с девушкой пришлось прятаться вдвоем на островке посередине непролазного болота. Там мы долго были вдвоем, и само собой начался тот самый «лямур-тужур», после которого растет народонаселение...

Конечно, осудить человека проще всего. Только пускай моралисты сами поживут в маленькой избушке вдвоем с юной красоткой, помоются вместе с ней в баньке, посидят пока сушится их единственная одежонка, голенькими на солнышке, а потом лягут рядышком на лавку, повернутся друг другу спиной и заснут сном праведников.

Ну, не заснули мы с Марфой!

И девушку прошу не осуждать. Марфа прекрасное, доброе, любящее создание. Не ее вина, в том, что она в младенчестве потеряла мать, а воевода-папаша не обращал на дочь вни-

мания. Вместо воспитания ребенка, жил, как теперь говорят, «по понятиям», набивал мощную поборами, брюхатил дворовых девушек, а потом женился на стерве, которая решила из корысти убить ненавистную падчерицу!

И главное, Марфа нарушила седьмую заповедь исключительно по неведению. Не знала она о грехе прелюбодеяния, а я так увлекся нашими «прикосновениями», что не успел ее просветить. И вообще, по-моему, она о грехах знала только одно: нельзя есть скоромное в постный день! Так что все ее грехи принимаю на свой счет, она же согрешила плотью исключительно по наивности и неведению...

Пока я вспоминал былое, Марфа всматривалась в осенний лес.

– Страшно мне что-то, – сказала она, приныкая ко мне плечом. – Дух здесь чужой, будто смертью пахнет!

– Вот еще, – скрывая тревогу, ответил я, и машинально втянул в себя воздух. – Лес как лес, пахнет грибами...

– Нет, – покачала головой девушка, – как грибы пахнут, я знаю, тут иное...

Этот лес, несомненно, отличался от того, в котором мы были вчера, но никак не в сторону дремучести. И вообще окружающий ландшафт нисколько не походил на чащобу, в глубине которой находилось заповедное место, станция времени, куда я так стремился попасть. Он напоминал скорее обычную пригородную лесопарковую зону.

В заповедную чащобу, мы пришли вчера днем. Мне нужно было попасть именно сюда, в место, откуда меня могли отправить в наше время. Служба, которая здесь пряталась от «людского глаза», занималась координацией истории. Говоря проще, вмешивалась в чужие дела. Когда я был тут несколько месяцев назад, здесь хозяйствовал симпатичный, колоритный старичок, которого я долго считал лешим, и с которым у нас сложились приятельские отношения. Оказалось, что его почему-то отозвали, а вместо него появился молодой человек по имени Юникс.

Новый служащий с первой минуты знакомства повел себя неадекватно. Кончилось все ссорой. Парень оказался совершенно ненормальным. С этой службой, или кем там они были на самом деле, я до конца выяснить не смог, меня связывало джентльменское соглашение: они перемещают меня в семнадцатый век, в так называемое Смутное время и не вмешиваются в мою жизнь, дела и поступки. Я в свою очередь должен по мере сил бороться за справедливость, так, как ее понимаю. За это мне была обещана встреча с женой, которая каким-то образом оказалась в средних веках.

Формально они свое обязательство выполнили, с женой я вроде бы встретился. Правда, это произошло после тяжелого ранения, когда я был практически без сознания, а жена со времени нашего расставания постарела больше чем на полвека. Но и это бы все ничего, но обстоятельства сложились так, что теперь меня ловили по всему царству, того и гляди, могли оторвать голову, и я устал бегать от опасностей. И самое неприятное заключалось в том, что просить, чтобы меня вернули домой, оказалось не у кого – никаких каналов связи мне не оставили. Переправили в прошлое и исчезли. Единственное место, которое было связано с «нанимателями», это тайная лесная избушка, в глухой чаще леса, на бездонном болоте.

Столько трудов стоило сюда попасть, но когда это удалось, оказалось, что кроме сумасшедшего парня, здесь никого нет! И тогда я, что называется, крупно «облажался», поверил, что «координатор» невменяем и решил на него надавить. Кончилось это тем, что он заманил всех нас, Марфу меня и собаку в элементарную ловушку и отправил неведомо куда. Мы по очереди выходили на высокое крыльцо его избы и падали в бездну. Судя по тому, что было вокруг, он нас просто куда-то переместил.

Сделал Юникс это предельно просто. Сначала наглым поведением довел меня до белого каления, а когда я не выдержав, собрался вразумить его «физически», внезапно убрал из-под

ног земную твердь. Это было вчера вечером, а сегодняшним утром мы проснулись в незнакомом лесу, не понимая что, произошло, продолжили делиться впечатлениями:

– Когда мы ночью сюда попали, я сразу почувствовала что-то неладное, – сказала Марфа, – но не хотела тебя пугать. Как ты думаешь, мы скоро умрем?

– Скоро, – ответил я, – ты лет через семьдесят, а вот я, боюсь, значительно раньше.

– Это когда? Завтра? – встревожено, спросила она, и я вспомнил, что с арифметикой, и, в частности, со счетом, у нее, средневековой девушки, существуют определенные проблемы.

– Нет, после будущего рождества, ближе к пасхе, – перевел я срок оставшейся жизни в доступную понимания счетную категорию.

Она не поверила в такую радужную перспективу, но ничего не сказала, Марфа недаром была дочерью воеводы, и месяц прожила в плену у казаков, эмоции скрывать умела.

– А ты знаешь, что с нами случилось? – задала она вполне уместный вопрос.

Ответить на него мне было нечего. Каким образом и куда нас переместил коварный Юникс, я не знал и отговорился:

– Ну, это, донимаешь, вроде как в сказке. Я же тебя предупреждал, если свяжешься со мной, то начнутся всякие чудеса.

– Так это было колдовство! – испуганно воскликнула девушка.

На Руси колдовства боятся испокон века, правда, в наше время значительно меньше, чем четыреста лет назад. Теперь суеверные сограждане им интересуются больше в утилитарных целях: разбогатеть самим или напакостить соседям.

– Да, что-то вроде колдовства, но не очень страшное, – небрежно сказал я. – Тебе, когда ты падала с крыльца, было страшно?

– А как же! В глазах тьма и ни верха, ни низа, – совершенно точно описала Марфа состояние во время бесконечного падения.

Только говоря об этом состоянии забыла упомянуть или, просто, не осознала, возникшего чувства невесомости.

– Ладно, все хорошо, что хорошо кончается, пойдем искать мамонтов и саблезубых тигров, – сказал я, взваливая на себя мешки с провизией.

– Кого искать? – не поняла она.

– Людей или место для жилья, – понятно перевел я.

Мы, не стовариваясь, пошли в ту сторону, где лес был светлее. Наш пес Полкан сразу же побежал вперед, барражируя вокруг нас и успевая знакомиться с местными запахами. К сожалению, несмотря на свои уникальные умственные способности, своей информацией он поделиться не мог. А умен он был необычайно, некоторые темные люди даже подозревали в этой собаке оборотня.

– А тебе, правда, не страшно? – спросила девушка, когда мы отошли от нашей ночной стоянки. – Вдруг тут черти живут!

– Конечно, не страшно, – слукавил я. – Черта бояться – в лес не ходить.

Такой ответ Марфу не успокоил, она покосилась на меня, однако, заметив, что я исподтишка наблюдаю за ней, беззаботно улыбнулась и сделала независимый вид. Даже не перекрестилась при упоминании нечистого. Получалось, что мы скрываем друг от друга тревогу, чтобы зря друг друга не волновать. Впрочем, пока волноваться было не о чем. Вокруг был обычный осенний лес, светлый и сухой, так что пока мы, можно сказать, просто гуляли. Однако это продолжалось недолго.

– Ой! – испугано воскликнула Марфа и показала пальцем на небо. – Слышишь? Это что?

– Не обращай внимания, просто самолет, – машинально ответил я и остановился как вкопанный.

Высоко над облаками гудел двигателями воздушный лайнер. Это зауряднее обстоятельство заставило меня заплясать на месте.

– Получилось! – закричал я и, сжал ничего не понимающую девушку в объятиях.

– Что случилось? Это что там? – радуясь вместе со мной неведомо чему, спрашивала она.

– Мы вернулись в наше время! А самолет это такая штука! Это замечательная штука! Ты еще на нем летаешь!

– Нет уж, что я, ведьма или баба-яга! – обижено, сказала она, отстраняясь от меня. – Летать по небу грех!

– Никакой это не грех, у нас все на них летают! – успокоил я девушку, высматривая между облаков давно невиданное чудо. – Вон он, вон, смотри, как высоко летит! – закричал я, показывая Марфе пальцем на летательный аппарат, и не договорив, замолчал. Таких самолетов я еще никогда не видел.

– Вон то? – со страхом в голосе, спросила она, заметив в прогалине облаков три соединенные между собой сигарообразные гондолы, неспешно ползущие по небу.

– Ага, – убито ответил я, – оно самое.

«Значит все правда, это и есть то самое, что мне пообещал Юникс», – подумал я.

Марфа меня не слушала, заворожено дивилась на чудо чудное, диво дивное.

«Похоже, металлические дирижабли, – рассматривая воздушный караван, – размышлял я, – выходит, прав был Циолковский, за ними будущее. А может быть, это просто какие-нибудь испытания».

– Ой, смотри, еще один летит, и как высоко! – воскликнула Марфа.

Я посмотрел туда, куда она показывала. Этот летательный аппарат состоял из четырех, соединенных между собой сигар и летел так высоко, как пассажирские самолеты в наше время не летали – километрах в двадцати над землей. Все стало окончательно понятно, никакие это не испытания, а наше далекое будущее. В начале двадцать первого века, о возврате к дирижаблям, только начали говорить.

«Это называется, попал, – подумал я, – плавно переместился из прошлого в будущее без денег, документов и перспектив вернуться в прошлое».

– Ладно, еще налюбуйся такими чудесами, они тут будут на каждом шагу, – скрывая испортившееся настроение, сказал я девушке, – нам надо отсюда выбираться, мало ли что...

Будто в подтверждении моих слов, невдалеке что-то протарахтело, слегка напоминая автоматную очередь. В мое время автоматы стреляли много громче. Похоже, что технический прогресс тут был во всем.

– Это что? – спросила Марфа.

– Так, ничего особенного, возможно, кто-то кого-то очень не любит, а может быть, просто дети балуются, – ответил я, всматриваясь в опасную сторону.

Девушку ответ удовлетворил, и она потеряла к странному тарактению интерес. Летательные аппараты в небесах были ей значительно любопытнее.

Глава 2

Разгуливать по лесу, в которой стреляют из автоматического оружия, в красной бархатной шубе утепленной соболями, не самое безопасное занятие. Но как было объяснить это девушке, чтобы ее не напугать? Пока что, она пребывала в сказке. Я же со страхом думал о реальности, в нашей одежде только и дело было без документов разгуливать по российским дорогам к радости блюстителей правопорядка. Вот уж кто не пропустит возможность, оттянуться на нас по полной программе.

Я уже представлял себе, как объясняюсь с властями, втолковывая, откуда мы такие хорошие свалились на их головы.

Считать, что нравы людей при должностях и погонах смягчились в нынешние, видимо более цивилизованные времена, особых оснований не было. У нас во все эпохи стражники были суровыми и бескомпромиссными людьми. Особенно если обывателю было нечем их заинтересовать или порадовать приношением.

Впрочем, кое-какие деньги у меня были, но не в рублях, а в золотых европейских монетах XIII-XVI веков. Однако я понимал, что наличие этих средств, не облегчило бы, а усугубило ситуацию. Я уже представлял, как мы с Марфой сидим в обезьяннике до выяснения личностей, а Полкан валяется где-нибудь на ближайшей помойке с простреленной головой. Нужно было срочно выходить в обжитые места и как-то поменять одежду.

Воздух постепенно прогрелся, становилось не по-осеннему тепло и скоро в своей лисьей шубе я начал чувствовать, что вот-вот задымлюсь. К тому же мешали тяжелые мешки со съестными припасами, которые, перекинув вроде переметной суммы на грудь и спину, я нес на плече.

– Мне жарко, я разденусь, – пожаловалась Марфа.

– Давай, заодно отдохнем и поедим, – предложил я, сбрасывая на землю тяжелую ношу.

Я развязал один из мешков и вытащил из него копченый свиной окорок. Полкан сразу же воодушевился и пристроился с ним рядом. Печеного хлеба у нас не было, зато в избытке оказалось муки и крупы. Однако варить кашу я не рискнул, опасаясь дымом привлечь людей, потому нам пришлось, есть одну ветчину. Каждый получил по увесистому куску.

Только тут до меня дошло, что я вполне могу ополовинить груз, выбросив лишние продукты. Это очевидное решение – зачем нам в эпоху дирижаблей пшено и полба, сразу заставило начать думать конструктивно. Стопор, вызванный шоком начал проходить и тут же появились свежие идеи. Главная из них была в том, что нищие, самые свободные люди и если мы избавимся от наших шуб, то никому не придет в голову приставать к бомжам в холщевых портках и монастырском сарафане.

Просто выбрасывать меха не хотелось, хотя бы потому, что я не знал, где придется нам ночевать, а спать между двумя такими шубами можно было даже на Северном полюсе.

– А скоро мы увидим телегу без лошади? – спросила девушка.

– Скоро, – добродушно пообещал я, – скоро ты много нового увидишь! Ты главное, ничего не бойся. Здесь нет ни демонов, ни колдунов, просто люди придумали разные штуки, чтобы облегчить себе жизнь. На первый взгляд они бывают страшными, но на самом деле безобидные.

На сытый желудок настроение у меня поднялось до состояния эйфории. Какое бы ни было это будущее, все лучше находиться здесь, чем висеть на березе вниз головой, да еще с содранной кожей. Полкан, слопав килограмм ветчины, тоже развеселился и позволил себе покататься по желтой листве.

Прежде чем снова пуститься в путь, я удалил все лишнее, потом плотно свернул шубы и засунул их в мешки на освободившееся место. Мы с Марфой разом превратились в двух нищих

оборванцев. Даже мой камзол, когда-то роскошный, бархатный с медными пуговицами, в том состоянии, до которого я его заносил, вполне подходил к крестьянским порткам и поршням. Единственной проблемой оказалась сабля. Если великолепный афганский кинжал я спрятал в мешок, то саблю пришлось, оставить на виду, и нести на перевязи. У нас не было лишней тряпки, что бы ее завернуть и хоть как-то замаскировать.

Когда все было упаковано, мы без промедления пошли дальше. Время, судя по положению солнца, было послеполуденное и до скорого вечера следовало добраться до какого-нибудь человеческого жилья.

Удивительно, но лес, по которому мы шли, был чистый, без привычного мусора, обычно оставляемого туристами и грибниками. Я, было, порадовался за неожиданную цивилизованность сограждан, но тут выяснилось, что он частный. Мы наткнулись на высоченную изгородь из колючей проволоки.

– Это еще что такое? – донельзя удивилась Марфа.

– Боярские земли, – популярно объяснил я, – нам здесь нельзя находиться.

Неприятно было даже не то, что лес оказался огорожен, а то, что мы находились внутри охраняемой территории. Короткая верхняя часть столбов, сделанная в виде козырька, была наклонена не в нашу, а в противоположную сторону. Получалось, что мы разгуливаем по частным владениям.

Я оглядел столбы и саму проволоку. Кажется, эту территорию охраняли вполне серьезно. На каждом третьем столбе, стояла камера слежения, надписи на русском и английском языках, предупреждали о высоком напряжении. Если бы я был один, то меня такое ограждение вряд ли бы остановило. Во время службы в армии мы в самоволку бегали и не через такие кордоны, Но одно дело солдат, другое, женщина и собака. Для них наша простая, но эффективная методика преодоления подобных препятствий, к сожалению, не подходила.

Пока я придумывал, как легче перелезть за колючку, нас заметили. Камеры слежения, которые раньше вертелись по кругу, замерли и нацелили объективы в вашу сторону. У меня теперь остались только две возможности, ждать, когда сюда прибежит охрана, или перерубить проволоку саблём возле ближайшего столба и бежать самим.

Электрический ток меня не пугал, эту проблему при небольшом навыке в электротехнике всегда можно обойти. От прорыва останавливало другое, где нам прятаться, если хозяева устроят погоню. Сразу же вступать в конфликт с законом мне совсем не улыбалось. Впрочем, вопрос решился сам собой и гораздо быстрее, чем я предполагал.

Вдоль ограды в нашу сторону уже бежали два охранника в осенней камуфляжной форме.

– Ой, смотри, кто это? Какие смешные! В чем это они одеты? – воскликнула Марфа, пораженная необычной униформой.

Меня вид сезонного камуфляжа тоже несколько удивил, я привык к его зелено-желтой окраске, это же была желто-серой. Однако любоваться на элегантные туалеты пришлось недолго. Охранники быстро приближались. На всякий случай, я убрал за спину саблю, чтобы зря не мозолила глаза. Полкану, нападающие на нас мужики с толстыми черными палками в руках, очень не понравились. Он встал в стойку и оскалил зубы. Я скалиться не решился, напротив, пытался приветливо улыбаться. Вот, мол, наконец-то мы встретились! Какая неожиданная радость!

Жаль, но все мои потуги выглядеть приветливым, пропали даром. Лица у стражей были решительные, если не сказать свирепые. Ждать от них радостных приветствий явно не стоило.

– Встань мне за спину! – приказал я Марфе, после чего события стали развиваться так стремительно, что ни на разговоры, ни на переговоры времени не нашлось.

Стражники набросились на нас. Полкан, как и положено собаке, отразил нападение. Он с рычанием кинулся на ближнего к себе охранника. Однако тот оказался подготовлен к атаке. Палка в его руке нацелилась на бедного пса, и ее конец вспыхнул неоновым светом. Полкан

завизжал и, не долетев до противника, грохнулся на землю. Это оказалось слишком даже для меня. Я выхватил саблю и взмахнул клинком. Палок у парня стало две, но теперь коротких. Второй, дернулся и успел направить подобное странное оружие и на меня, но на выстрел времени ему не хватило. Сабля прочертила в воздухе дугу и отсела конец у второй черной палки.

– Ты это чего наделал! – почти в один голос закричали сторожа, сопровождая вопрос однообразными и всем известными эпитетами, потом отступили, растеряно рассматривая остатки своих электрошоков.

Ответить им мне было нечего. К тому же было не до разговоров, я испугался за Полкана. Пес лежал на боку, не подавая никаких признаков жизни.

Между тем охранники пришли в себя и решили от слов перейти к делу. Даже сабля в моей руке не показалась им достойным аргументом начать мирные переговоры.

– Да я сейчас тебя, такой... (тра-та-та!), – заорал один из них очень грубым голосом, полностью лишенным какой-либо мелодичности и, выставив вперед руки на манер мастера кун-фу, собрался лишить меня если не жизни, то здоровья.

– Чего это он такое говорит? – спросила меня из-за спины Марфа изо всего сказанного на новом русском языке, уразумевшая только исконные исторические слова отечественного мата.

Перевести я не успел, «грубоголосый» охранник закричал «К-ий-я», подскочил на месте и ударил меня ногой по голове. Ботинок у него был новый, начищенный, не в пример моему поршню, но все равно, целоваться с ним никакой охоты не было, и пришлось отступить в сторону, чтобы случайно не столкнуться. Парень, хоть и не достиг цели, но выполнил в воздухе великолепный кульбит с переворотом, приземлился на ноги и снова встал в боевую стойку. Ногами и телом он владел не в пример лучше, чем языком. Мне же была больше по нраву тихая дружеская беседа, а не гимнастический язык жестов, поэтому я попробовал перевести общение в другую, дипломатическую плоскость:

– Еще раз прыгнете, – сказал я сразу обоим собеседникам, – поотрубаю ноги.

В подтверждении серьезности намерений, я махнул саблей и перерубил ствол ничем не повинной березки. Ополовиненное деревце упало на ковер из опавших листьев, а мастера восточных единоборств медленно отступили на несколько шагов. Кажется, только теперь они нас толком разглядели и догадались, что мы не обычные бомжи, влезшие в барские владения, Охранники переглянулись, и лица у них сделались слегка растерянными.

– Если с собакой что-нибудь случилось, – продолжил я, – то вам мало не покажется!

Теперь обвиняемой стороной стали они, и охранником это не понравилось.

– Подумаешь, – пробормотал мастер кун-фу.

Я, держа клинок так, чтобы у них не появился соблазн воспользоваться ситуацией, присел и проверил у пса пульс. Слава Богу, сердце у Полкана билось.

– Ну, ваше счастье, жив, – сказал я, поднимаясь.

– Здесь частные владения, посторонним быть запрещено, – вполне человеческим голосом сказал тот, что подстрелил пса.

Я ему ответить не успел. Полкан дернул головой и привстал, опираясь на передние лапы. Выглядел он совершенно ошарашенным и растерянным.

– Что это было? – на старорусском наречии, неразборчиво и хрипло спросила собака, посмотрев на меня удивленными глазами.

– Электрошок, – коротко объяснил я, не сводя глаз с охранников. Непонятно почему один из них вдруг сказал: «мама», и сел на землю. Второй стоял столбом вытаращив глаза, потом отступил на безопасное расстояние и кому-то доложил, приложив руку к уху:

– Я не знаю. Нет, не бомжи. Он их саблей разрубил и у них собака разговаривает!

Охранник, доложив обстановку, судя по выражению лица, слушал новые распоряжения. Оглянулся на ближайшую камеру и, взяв под козырек, сказал:

– Слушаюсь!

Только тут до меня дошло, что происходит. Я посмотрел на Полкана, он уже смог встать на ноги, и растеряно мотал головой, словно отгоняя наваждение.

– Вас хозяева приглашают в дом, – обратился неизвестно к кому, охранник, Смотрел он куда-то между мной и собакой.

– Чего это он такое говорит? – спросила Марфа. – Чудно-то как, вроде и по-нашему, но слова какие-то непонятные и одет-то срамно!

Говорящая собака девушку, судя по всему, не удивила, поразил говорящий охранник.

– Теперь все так говорят, привыкай, – объяснил я ей понятным языком.

– Вот это чудо, и как им не стыдно, так язык ломать!

Однако оказалось, что лингвистикой интересуется не только Марфа.

– А вы кем будете молдаванами? – спросил прямостоящий охранник.

Товарищ его после обращения к своей маме, до сих пор продолжал сидеть на корточках, не сводя взгляда с Полкана.

– Почему ты решил, что мы молдаване? – не понял я.

– Говорите с акцентом.

– Нет, мы славяне, – нейтрально объяснил я, дабы не смущать его душу дремучеством нашего происхождения.

Пока он обдумывал мои слова, я прикидывал, что нам делать дальше и решил, не отказываясь от приглашения. Не один раз после перемещения в новую эпоху, я попадал к родственникам. Чем черт не шутит, может быть, снова повезет! Родственные связи, часто помогают решать многие проблемы.

– Славяне? – перекопав всю свою память, переспросил охранник. – А говорите, похоже, как мы русские. Собака тоже славянка?

– А она настоящая? – вмешался в разговор все еще сидящий страж. – Или робот?

– Настоящая, – уверил я, предпочитая не ответить на первый вопрос и не уточнять принадлежность Полкана к славянской группе народов. – Куда нам идти?

– Туда, – показал направление первый охранник. – Это ваши мешки?

– Наши, – подтвердил я, – только несите осторожнее, там ценные вещи.

Появляться перед незнакомыми людьми в нашем неказистом платье, да еще и с мешками, было бы моветоном. Да и тащить их мне надоело.

Под опавшей листвой была видна бетонная тропинка, так что дорогу искать не приходилось. Мы с Марфой шли рядом, за нами Полкан, охранники с мешками отстали метров на двадцать, шли, тихо переговариваясь.

– А чего это они так чудно одеты? – допытывалась девушка.

– Нормально одеты, они здешние стрелы, это у них такая форма.

– Куцые они, какие-то, а ноги голые, срамно смотреть, – посетовала она.

Понятно с моим длиннополым камзолом их куртки и рядом не лежали, но я все-таки заступился за моду будущего.

– В коротком платье удобнее ходить, полы ногам не мешают. Я тебя предупреждал, что теперь все будет другое, так что не удивляйся! Сейчас и женщины по-другому одеваются. Более открыто, чем вы.

Марфа подозрительно на меня посмотрела, но уточнить в чем состоит «открытость», не успела, впереди показалось какое-то строение. Издалека, сквозь кроны деревьев, здание было толком не рассмотреть, но по крыше и ордеру, оно напоминало дворцовые постройки девятнадцатого века. Скоро мы вышли из леса на открытое пространство. Теперь здание открылось во всей красе и великолепии.

– Ишь ты... посмотри, какая большая изба! – воскликнула Марфа. – Отродясь такой не видела!

– Тише ты, веди себя спокойно, и что бы ни увидела, ничему не удивляйся! – попросил я. – Никто не должен знать, откуда мы сюда попали.

– А откуда мы попали? – бесхитростно спросила она.

– Из Сибирской тайги! – пошутил я, рассматривая роскошную «избу» стилизованную под княжеский дворец середины позапрошлого века: с огромными окнами первого этажа, лепниной по эркеру и золоченым гербом на фронтоне.

– Ой, посмотри! – не выдержала Марфа. – А для чего вон те столбы?

– Для красоты, только это не столбы, а колонны – объяснил я, любуясь белыми мраморными колоннами ионического ордера, своими сдержанными, строгими формами, компенсирующие варварское богатство фронтона и золотого герба.

Неплохо стали жить наши потомки, вынуждено признал я, удивляясь, величине и гармоничности здания и непривычному русскому глазу, идеально ровному двору, вымощенному шлифованными гранитными плитами, общей чистоте и, как говорится, законченности форм и линий.

Мы остановились напротив парадного входа во дворец, к которому вели широкие ступени, опять-таки сделанные из цельного мраморного массива. К нам подошли охранники и положили на розовые гранитные плиты наши замызганные мешки. Я с внутренним протестом представил себе со стороны нашу странную компанию, никак не вписывающуюся в этот совершенный дворцовый ландшафт.

– Сейчас за вами придут, – с поклоном, сказал первый охранник, после чего наша троица осталась перед крыльцом без сопровождения.

– Никак здесь сам турецкий султан живет? – спросила Марфа, так и не внявшая моей просьбе сдерживать эмоции.

В Турции Марфа не была, а в гарем султана ее хотели продать казаки. Так что она почти понимала, о чём говорит. Поддержать разговор на тему сравнительного анализа восточной и западной архитектуры я не успел. Парадная дворцовая дверь раскрылась, из неё вышел высокий дородный человек в лиловой ливрее с позументами, белом парике, и белых же чулках до колен. От такого дивного видения челюсть не отпала разве что у Полкана. Мы же с девушкой, правда, по разным причинам одновременно ойкнули и устремили на новое действующее лицо замороженные взоры.

Между тем это лицо, ступая величаво и неспешно, сходило к нам вниз по беломраморным ступеням. Не доходя до нас трех шагов, чудной человек остановился и, отвесив глубокий, но не подобострастный, поклон, произнес хорошо поставленным голосом:

– Господа просят вас пожаловать во дворец!

Глава 3

Колонный зал занимал всю центральную часть здания. Я стоял, смотрел и выпадал в осадок! Все как в лучших, пожалуй, самых лучших домах старого и нового света: двусветные окна, лоснящийся паркет из драгоценных пород деревьев, анфилада колонн неведомого мне нежно-голубого минерала, на стенах портреты и огромные картины в роскошных рамах, напротив входа парадная лестница! Эрмитаж отдыхает!

Мажордом, проводивший нас в зал, попросил меня оставить одетому в скромный серый фракный костюм лакею саблю и войлочную шапку, немного скривился на Полкана, не пожелавшего оставаться во дворе и попросил извинения от имени хозяев, задерживающихся на пару минут – объяснив, что им нужно подготовиться к выходу.

Я мог дать им не то что несколько минут, но и пару часов, желая прийти в себя от забытого великолепия прекрасных интерьеров и лучше рассмотреть необыкновенное жилище.

Однако сделать этого не успел, на парадной лестнице показались двое, он и она. Стройная рыжеволосая женщина в длинном фисташковом платье спускалась свободной походкой, что называется, от бедра, мелькая золотистыми туфельками. Высокий подтянутый мужчина в элегантном домашнем костюме шел подле нее, почти рука об руку, словно случайно касаясь ее кисти, своей. Пара была потрясающе красивая. Я, разумеется, смотрел больше на нее, успел заметить и глубокий вырез платья, и округлость ног, при шаге заметную обтягивающихся узким подолом, но не мог не отметить и достоинств кавалера.

«Вот с кем бы я...» – мелькнуло в голове грешная мысль, но до конца ее сформулировать не успел, великолепная пара уже дошла до конца лестницы и теперь приближалась к нам по скользкому паркету, улыбаясь приветливыми голливудским улыбками.

Не зная как вести себя в подобной ситуации, и в каком я вообще теперь времени, я поклонился сдержано, но достаточно низко, чтобы, даже в восемнадцатом веке меня не посчитали недостаточно вежливым. У Марфы сомнений на это счет не было, она поступила так, как ее учили, склонилась в глубоком поклоне, коснувшись пальцами правой руки пола.

– Здравствуйте, дорогие гости, – звучным контральто произнесла дама, – простите, что мы заставили вас ждать!

Ждать они нас не заставляли, дорогими мы им, никоим образом, не были, так что у меня промелькнула мысль, не перепутали ли они нас с кем-нибудь другим. Однако то, что нас ни с кем не путают, выяснилось сразу же. Дама, продолжая обворожительно улыбаться, сказала мужу несколько фраз на французском языке, после которых всякие сомнения по этому поводу разом исчезли.

С иностранными языками у меня как у большинства бывших граждан Советского Союза большие сложности, но пока я жил в восемнадцатом веке, где дворянство предпочитало говорить на этом языке, научился сносно понимать франкскую речь. Сам говорить не осмеливался, дабы не пугать нежных аристократов нижегородскими акцентом и отечественными модуляциями голоса, профанирующими благородный французский прононс.

– Посмотри, какой мерзкий, грубый, грязный мужик и от него воняет зверем, – говорила по-французски дама, нежно нам улыбаясь, – а эта жуткая баба! Неужели это женщина! Я даже не пойму, во что она одета!

Окончив фразу, дама очаровательно прищурила глаза, но крылья ее носа расширились и побледнели, непонятно от чего, гнева или отвращения.

Мужчина снисходительно погладил ей руку и, улыбаясь нам всеми тридцатью двумя великолепными зубами, ответил, на том же языке:

– Это была твоя идея познакомиться с простыми русскими людьми. Вот они перед тобой во всей красе. Приказать, чтобы их прогнали?

Рыжая ответила, но не сразу, а после паузы. Она прямо посмотрела мне глаза, и в них мелькнули искорки. Актрисой она была великолепной, если бы я сам, собственными ушами не слышал, как она только что меня оценила, никогда бы не догадался, что так ей отвратителен. Однако и я, в свою очередь, не стал показывать, что понял их разговор. Тем более что грязным я не был, только за день до того мылся в бане. И одежда у меня была свежестиранная!

– Да, да, конечно, еще насекомых напустят! Нужно будет приказать, чтобы здесь сделали дезинфекцию.

Однако прогнать нас не успели. В дело вмешался Полкан. Во время разговора он сидел рядом с Марфой, принюхивался, вытягивая вперед морду, как это делают все собаки. Не знаю, чем ему досадил тонкий аромат духов рыжей красавицы, но что он псу не понравился, можно было не сомневаться:

– Баба смердит, – на старорусском языке, пророкотал Полкан, неловко выпихивая слова из непривычной к членораздельной речи пасти и прямо посмотрел на носительницу неприятно запаха. Увы, его поняли, причем правильно.

Не знаю, что больше поразило хозяев то, что собака разговаривает или ее оценка ароматной дамы. Улыбки моментально сползли с лиц, и наступила гробовая тишина. Пришлось извиняться за невоспитанного пса.

– Не обращайтесь на него внимания, – светски улыбнувшись, сказал я, – просто Полкан не привык к хорошим духам. У собак, как и у людей, свои оценки окружающих. И он, как и многие невоспитанные люди, не привык их скрывать.

Удар получился, что называется ниже пояса. Красавица вспыхнула всей не скрытой платьем нежной кожей и щеками сделалась ярче собственных волос. Даже мужа слегка зацепило, он смущенно кашлянул и отвернулся.

Мы довольно долго молча стояли друг против друга.

– Вы говорите по-французски? – когда дольше молчать стало неприлично, спросила женщина.

Ответить я не успел, в разговор вмешалась Марфа, которая, само собой, вообще ничего не понимала.

– О чем они все время говорят? – спросила она. – Я ничего не понимаю.

Кажется, только теперь до хозяев дошло, что с нами не все так просто. Они во все свои четыре глаза уставились на мой поношенный камзол, внимательно рассмотрели крестьянские портки и обувь, потом так же вместе тщательно изучили Марфу.

– Что они так смотрят, никогда живых людей не видели? – опять спросила девушка, интуитивно понимая, как проигрывает во внешности рыжеволосой леди.

– Стой спокойно, я тебе скоро все объясню, – ответил я, – Мы сейчас отсюда уходим.

Я думаю у любого мало-мальски образованного человек, если в его присутствии собака и двое людей наряженные в средневековые лохмотья начнут свободно разговаривать на архаичном языке, в котором с трудом узнается родной, неминуемо случится ступор. Однако хозяева, достойно выдержали испытание, даже попытались соблюсти светские нормы:

– Надеюсь, – пискнула рыжая, – вы у нас погостите...

– Да, да, – подержал ее мужчина, – вас устроят, а пока, извините, нас ждут.

Жена покачнулась, муж подхватил ее под руку и они, не оглядываясь, пошли к лестнице.

– Платье у бабы срамное, – сердито глядя вслед уходящей паре, сообщила мне Марфа, – сразу видно, что нет у нее ни стыда, ни совести, ходит при мужчинах простоволосой!

– Здесь все так ходят, скоро и ты платок снимешь, – заступился я за хозяйку.

– Ни за что! – отчеканила воеводина дочь. – Скорее помру!

Однако до смерти дело не дошло, да и не до нее пока было, к нам опять приближался ливрейный мажордом.

– Милостивая государыня и милостивый государь, – изыскано вежливо сказал он, – господа, просят их извинить, у госпожи разболелась голова. Не соблаговолите ли вы пока пройти в гостевой флигель? Смею надеяться, что вам там будет удобно. Ваши вещи уже туда отнесли.

После недавней оценки сделанной нам хозяевами, приглашение прозвучало более чем нелогично. Однако меня это не смутило, в конце концов, почему бы нам здесь не помыться и не передохнуть. Управляющий, передав приглашение, сохраняя непроницаемое выражение лица, повернулся и пошел вперед, показывать дорогу. Марфа, как замороженная, шла следом, не сводя глаз с его ног в белых чулках.

Апартаменты для гостей располагались во флигеле, размерам которого мог бы позавидовать иной особняк на Рублевском шоссе начала века. Построен он был в российской манере, под псевдо европейский замок, из красного кирпича, с круглыми башенками, ложными бойницами, украшенными кремлевскими зубцами, словом, типичная пошлая архитектура нуворишей конца двадцатого века. Можно было предположить, что раньше здесь жили владельцы имения, но когда построили новый дворец, приспособили «замок» для проживания гостей.

Мажордом дошел до арочной «средневековой» двери, закованной в стальную броню, и нажал кнопку звонка. Тотчас дверь распахнулась и из нее выпорхнула симпатичная девушка в длинном, очень узком старинного покроя платье, с рюшками и фестончиками, оживленном кокетливым белоснежным фартучком. Я ждал, что она удивится нашему виду, но девушка лишь лучезарно улыбнулась, сделала низкий книксен (хорошо хоть не придворный реверанс!) и пригласила нас войти. Мажордом, передав нас с рук на руки, посчитал свою миссию выполненной и остался во дворе, отвесив вслед почтительный поклон.

Мы вошли в гостевой дом. Да, похоже, в нашей стране научись красиво и комфортабельно жить! Конечно, гостевому флигелю было далеко до парадных покоев барского дворца, но всемо, что я видел подобного раньше, до такой роскоши и великолепия было далеко.

Девушка между тем семенила впереди, плавно покачивая бедрами и плотно обтянутой тонкой материей круглой попкой.

Я покосился на Марфу. Кажется, она уже совсем перестала реагировать на окружающее и цеплялась взглядом хоть за что-то знакомое и понятное. Давеча не отрывая взгляда от ног управляющего, теперь от ягодич горничной.

В середине большого зала девушка остановилась и с прежней сердечной улыбкой спросила, как нам предпочтительнее спать, вместе или порознь.

– Вместе, – быстро ответил я, не представляя, как Марфа сможет обойтись одна, без опеки и наставлений.

– У нас есть общая спальня, но она очень большая и неудобная, – сказала горничная, – я бы вам посоветовала две смежные спальни, если захотите, то между ними можно убрать стену. Там есть ложе и для собаки, – она так и сказал «ложе», а не место. – Если вам будет угодно, собаку можно поселить и отдельно.

– Хорошо, вам виднее, две так две, а собака останется с нами, – сказал я. – Здесь есть, где помыться?

– Конечно, – ответила девушка, скрывая удивление наивности вопроса, – при каждой спальне своя ванная комната. Если вы предпочитаете русскую баню или финскую сауну, то они в цокольном этаже, – она кивнула на уходящую вниз резную лестницу из седого дуба, – там же и бассейн, только, к сожалению, он общий.

– Ничего, мы как-нибудь обойдемся, – не без иронии, сказал я.

– Вот и хорошо, тогда окажите мне честь осмотреть свои апартаменты.

Меня удивила такая подчеркнутая, даже, витиеватая вежливость, но возразить было нечего. В конце концов, каждый монастырь имеет право на свой устав.

Мы пошли за горничной вглубь дома и, в конце концов, попали в наши комнаты.

Ладно, не буду дразнить читателей описанием роскошных интерьеров, мягкими персидскими коврами, огромными турецкими диванами, венецианским зеркалами, продуманной негой техногенной эры, все тем комфортом, которого так не хватало россиянам последнюю тысячу лет. Кто доживет до нового времени, сам все это увидит и оценит...

– Пожалуйста, располагайтесь, мы бесконечно рады, что вы оказали нам честь своим прибытием, – говорила, лучась доброжелательностью, горничная. – Если вам что-нибудь понадобится, я всегда буду, счастлива вам помочь. Я жду ваших приказаний в соседней комнате, меня можно позвать в любое время.

Девушка так и святилась искренним гостеприимством. От обилия впечатлений я слегка обалдел, и не спросил ее имени. Исправил оплошность, когда она уже выходила из наших апартаментов. Горничная почему-то смутилась, тревожно посмотрела по сторонам, но ответила:

– Меня зовут, Электра, но можно обращаться и без имени.

– Электра, красиво звучит, – отпустил я дежурный комплимент, смутно припоминая, что так звали дочь Агамемнона и Клитемнестры, ставшей излюбленной героиней греческих трагедий. – Вас так называли в честь древней гречанки?

Девушка вопроса не поняла, во всяком случае, с ответом замялась. Потом все-таки объяснила:

– Маме это имя очень нравится, когда она была мной беременна, любила смотреть мультфильм об Электре.

В названии мультфильма было что-то знакомое, и я и нашел уместным задать вопрос, который в эту минуту пришел в голову:

– Если не секрет, в каком году вы родились?

Девушка опять непонятно чему удивилась:

– В десятом. О, я уже совсем старая!

– Неужели? Глядя на вас, и не скажешь, – лицемерно воскликнул я, – думал, вы много моложе.

Горничная комплименту улыбнулась, но без обычной профессиональной радости и торопливо ушла к себе. На вид девушке было лет тридцать, хотя выглядела она и правда неплохо. Получалось, что если мы попали в двадцать первый век, а не в двадцать второй, то сейчас середина сороковых годов. Не так уж далеко от нашего времени!

Пока мы разговаривали с горничной, Марфа как неприкаянная, стояла посередине спальни. Лишь только та вышла, зарыдала.

– Марфонька, что это с тобой? – спросил я, обнимая ее за плечи. – Не нужно плакать, у нас все хорошо. Посмотри, какая тут красивая светлица, а какие большие мягкие полаты! Представляешь, как на них хорошо будет заниматься.... ну, этим самым...

– Да, тебе хорошо! – говорила она сквозь слезы. – У тебя других забот нет, как только на полатах нежиться! Ты видел, какие у здешних баб сарафаны, особенно у рыжей?! А посмотри, во что я одета! Не зря рыжая мне глаза корила!

– С чего ты взяла, что она тебя корила? – удивленно, спросил я. – Ты же их языка не знаешь. Они совсем не о тебе разговаривали.

– Да, ты думаешь, я дура, и ничего не понимаю?!

То, что она не дура и все понимает, было ясно. Женщина женщину поймет и без второй сигнальной системы.

– Подумаешь сарафан! – попытался я ее успокоить, – Мы тебе самый лучший купим, красный в цветах! Шубу вывернем соболями наверх, все здешние бабы от зависти умрут!

– Не нужен мне красный, – сообщила мне Марфа, на время, забывая всхлипывать, – сейчас красное не носят. Мужички будут в таких, – она поискала в старорусском лексиконе слово, скорее всего означающее элегантность, не нашла соответствующего и объяснила по-своему, – мужички будут в барских поневах щеголять, а я воеводская дочь в красном сарафане?!

Слезы у Марфы разом высохли, она гордо распрямилась и задрала подбородок. В той одежде, что была на ней, жест выразительным не получился.

– С чего ты решила, что они мужички? – искренне поразился я такой оценке лощенной, рафинированной хозяйки и вполне цивилизованной горничной.

– С того! Ты хоть и окольник, только видать из простых, и в родовой крови ничего не понимаешь! Что я благородную жену от холопией бабы не отличу?!

– Ну, ты даешь! – возмущенно воскликнул я. – Аристократка, блин! Да мы таких в семнадцатом году!... Кровь у тебя голубая! Меня от ваших царей и князей уже с души воротит!

– А мне на ваши дворцы смотреть противно. В камне как, как... – она замялась подбирая сравнение, – ...как медведи живете и бабы у вас страховидные, и холопы у вас куцые!

– Да ты знаешь!.. – окончательно возмутился я.

– Баба смердит! – картаво заявил Полкан, явно, беря сторону Марфы.

– Это кто смердит! – закричал я. – Что ты понимаешь во французских духах лесная образина! Да, для вас собак лучший аромат тухлая рыба. Тоже мне эстет нашелся! Додумался же такое женщине сказать! Где тебя воспитывали?! В леску? Тьфу, черт, вы мне совсем голову заморочили. Не нравится здесь, можете спать во дворе, а я пошел в баню!

От возмущения я топнул ногой и ушел в соседнюю комнату.

В дверях тотчас возникла горничная:

– Что-нибудь нужно, милостивый государь?

– А это ты, Электра! Ты как относишься к говорящим собакам? – спросил я, возмущенно глядя на волчью морду выглядывающую из соседней спальни.

– Для нас любой гость желанен и дорог, – дипломатично, ответила горничная, – А разве собаки умеют разговаривать?

– Хорошие, слава богу, не умеют, а вот такие уроды... – показал я на Полкана.

– Сам дурак, – пророкотал пес, подумал и добавил, – и эта смердит.

– Да я тебя! – начал я, но договорить не успел. Электра побледнела, взялась за сердце и опустилась в ближайшее кресло.

– Марфа! – крикнул я. – Там на столе графин с водой, принеси, пожалуйста!

– Нет, не надо, мне нельзя, – прошептала девушка, пытаясь встать. – Простите меня, я сама не знаю, как это случилось.

Я помог ей подняться и отвел в соседнюю комнату. Там оказалась скромная обстановка, напоминающая интерьер номера двухзвездочной гостиницы. Девушка казалась такой напуганной, что я поспешил ее успокоить:

– Вы его не бойтесь, Полкан не кусается. Это его ваш охранник электрошоком шарахнул, вот он почему-то и заговорил. Атак он пес добрый, только ему запах духов почему-то не нравится.

– Я не собаки... – начала она, но, не произнесла слово: «боюсь», – ...простите, мне нужно работать, если увидят... – она движением зрачка показало куда-то в сторону, – вам лучше уйти...

Я понял и намек, и то, что ее беспокоит, согласно кивнул и быстро вышел из подсобки. Похоже, порядки в этом показательном имении царят драконовские, об этом стоило подумать.

– Я не понимаю, что ты просишь! – возмущенно заявила Марфа, лишь только я вернулся в свою спальню.

– Воду, всего лишь воду, – смиренно объяснил я. – Ты пойдешь со мной в баню или останешься здесь?

Вопрос был глупый, одна Марфа не осталась бы ни за что на свете.

Я огляделся, надеясь, что тут как в хорошей гостинице могут оказаться необходимые банные принадлежности. Звать Электру мне не хотелось, нужно было дать ей время привести

нервы в порядок. Однако она вошла сама, словно почувствовала, что в ней есть нужда. Спросила, будто слышала наш разговор:

– Вы хотите помыться?

Улыбалась горничная, как и раньше лучезарно, но теперь не так яростно. Кажется, она начинала понимать, что мы не совсем обычные гости. Я давно заметил, что доброжелательное и уважительное отношение к людям, особенно подневольным, приносит хорошие дивиденды. Если ты видишь в ком-то человека, то и тебя перестают воспринимать как огородное пугало, набитое спесью и снобизмом.

– Да, хотим сходить в баньку. Здесь есть халаты, полотенца?

– Конечно есть, все внизу, если позволите, я вас провожу. Вы предпочитаете сауну или русскую баню?

– Баню, – ответил я.

Марфа вслушивалась в наш разговор, выхватывая из него отдельные, понятные слова. Когда мы пошли к выходу, спросила:

– Ты идешь топить баню?

– Она уже натоплена, – ответил я, крепко беря ее под руку. Воеводиной дочери предстояло испытать очередной культурный шок.

Глава 4

Стоит ли рассказывать о русской бане будущего? Не знаю, возможно, я по натуре ретроград, почвенник, пещерный человек, но белоснежные мраморные стены, десятки датчиков влажности, давления, температуры и еще бог весть чего, браслеты на руках, долженствующие предупреждать о любых негативных реакция организма, мне не понравились, Цивилизованная баня будущего – это ароматизированный пар, распыленные антисептические препараты и стерильные пластиковые веники с запахами березы, дуба, эвкалипта – кому что нравится.

Электра завела нас в предбанник, помещение, походившее на салон элитного клуба, и с рук на руки передала двум женщинам в белоснежных халатах. Сначала это меня немного напрягло, но банщицы вели себя так индифферентно, что смущение быстро прошло, и я скинул свои заскорузлые лохмотья. Марфа разделась еще свободнее. Не знаю, что думали о нас банщицы, пока мы раздевались, ни на Марфе, ни на мне не было никакого нижнего белья. Шелковые подштанники которыми я щеголял в семнадцатом веке, как-то в одночасье исчезли, будто сами собой. Разбираться, кто их подрезал, в тот момент времени не было, так что я остался только в верхнем платье, Марфа, как и все женщины ее эпохи, белье не носила, так что разоблачиться нам с ней было минутным делом.

Ну а дальше как положено: парная, бассейн, отдых за прохладительными и горячительным напитками. Всё было продуманно и пристойно. Банщицы своим вниманием нам не мешали, они, как только мы разделись, скрылись за какими-то пультами и наблюдали за приборами.

Массажистки, явившиеся с предложением профессиональных услуг, оказались более коммуникабельны и вполне приятными девушками. Возможно, строгому ценителю женской красоты их тела могли показаться излишне идеальными, в чем виделась не столько щедрость природы, сколько искусство пластического хирурга, но смотреть на них было приятно. Обе массажистки были одеты в кокетливые, полупрозрачные халатики. С их бельем я не разобрался, однако оно на них, несомненно, было. Во всяком случае, по одной маленькой ленточке на самом интимном месте я разглядел.

Марфа долго не понимала, что с ней собираются делать, в конце концов, после моих объяснений, согласилась отдаться в руки служанок и после массажа в общий зал вернулась затуманенная. Впрочем, как и я. Не знаю, как называется такой массаж, но на лечебный, он как-то не походил...

Далее, все вновь повторилось почти по той же программе: парная, бассейн, отдых. Добавился только парикмахер.

Марфе необычная баня понравилась, она взлетела на небо уже от одних только шампуней, гелей, кремов и прочих парфюмерных изысков, в назначении которых я даже не пытался разобраться. Массаж ее доконал. Я же быстро охладел к унифицированной радости гигиенического омовения и радовался только парикмахеру, сумевшему придать моей, стриженной «под скобку» шевелюре хоть какое-то подобие прически.

В какой-то момент обе банщицы незаметно исчезли и мы с Марфой остались одни в большом зале, центр которого занимал стильный ассиметричный бассейн, стилизованный под лесное озеро. Мы отдыхали в шезлонгах возле воды, под яркими лампами, имитирующими солнечный свет. Марфа лежала на спине, сушила феном и расчесывала свои роскошные волосы. Как ей удалось сразу разобраться с назначением фена, я так и не понял. Считать до ста она до сей поры не научилась, а тайну включения и работы фена на разных режимах – постигла сразу.

У нее уже наступило пресыщение от новых впечатлений, и она больше ничему не удивлялась. Я еще удивляться мог, да здесь и было чему, но расслабляющая обстановка брала свое и меня сморил сон. Сколько времени я проспал – не знаю, думаю, всего несколько минут,

проснулся же, когда над нами потухли лампы. Привычка всегда быть настороже сработала и сейчас, как только поменялась обстановка, я вскочил на ноги.

– Что случилось? – спросил я Марфу, уже кончившую возиться со своей бесконечной косой.

– Почему-то потухло, – лаконично ответила она, показав на потолок.

Теперь все здесь погрузилось в полумрак. Светилась только вода в бассейне. Зрелище получилось впечатляющее: нежно-голубая чаша освещала потолок и стены каким-то неземным, космическим светом. Я невольно залюбовался необыкновенным зрелищем и пропустил момент, когда с противоположного края бассейна, два легких, неземных тела, одновременно, почти без брызг пронзили воду. Отчетливо разглядел их только тогда, когда ныряльщики доплыли до середины бассейна.

Не знаю, какой был там использован световой эффект, но нагие тела мужчины и женщины, легко и красиво извивающиеся в толще голубой воды, показались мне бронзово-золотыми.

– Ой, посмотри, что это?! – воскликнула Марфа, роняя собранные в пучок волосы, и бросилась к краю бассейна. – Это кто?

Я обернулся полотенцем, подошел к ней, встал рядом и вблизи наблюдал отточенные до совершенства, грациозные движения синхронных золотых пловцов. Вот уж действительно, «красота – это страшная сила», особенно, когда она усилена подлинным искусством. Только к концу подводного танца я понял, чьи золотые тела режутся в лазурной невесомости.

– Это здешние хозяева, – тихо сказал я Марфе, зачарованно наблюдавшей за подводным балетом.

Спектакль продолжался минут десять. Не знаю, какими техническими средствами пользовались ныряльщики, но они ни разу не поднялись на поверхность вдохнуть воздух. На их нагих телах не было ничего даже отдаленно напоминающего дыхательные аппараты.

Наконец пловцы кончили выступление и одновременно подплыли к нашему «берегу». Первой из воды выходила женщина. Она медленно, плавно, будто выплывая из синевы, поднималась по ступенькам узкой лесенки, и с ее золотого тела стекали голубые струйки воды. Наконец она оказалась на бортике бассейна, почти рядом с нами и жадно дышала, отчего высоко вздымались две весьма симпатичные... Как их там называют, во множественном числе? Кажется, молочные железы.

– Помоги мне вытереться, – обращаясь ко мне как к своему, на ты, попросила она.

«Ах ты... – мстительно подумал я, добавив к личному местоимению второго лица, не совсем цензурный эпитет, – похоже, тебя потянуло-таки на грубого и грязного мужика! Ладно, я тебя сейчас вытру!»

Я не чинясь, снял со своих бедер полотенце и приступил к осушению усталого, нервно вздрагивающего от нескромных прикосновений тела. Освещение между тем быстро менялось, темнела вода в бассейне, и делалось заметно светлее в зале. Тело хозяйки начинало приобретать естественный цвет. Я не жалел ни хозяйского полотенца, ни хозяйской кожи, так что рыжая блудница вздрагивала все сильнее и норовила прижаться ко мне грудью. Я посмотрел на ее мужа и едва не присвистнул, этого козла вытирала Марфа! Лихо! Похоже, что сибариты приспособились эксплуатировать труд гостей!

Хозяйка, воспользовавшись невольной паузой, прижалась-таки ко мне «всеми своими членами».

– Э, милая, ты, что это делаешь? – спросил я, пытаюсь легонько отстранить ее на безопасное расстояние.

Она промывчал что-то невразумительное, обхватила мне торс и принялась жадно целовать грудь. Ситуация стремительно перерастала в неуправляемую. Женщинам в таких случаях

легче, послала нахала куда подальше – и все дела, мужчинам же приходится соблюдать видимость приличия.

– Ну, ты что, голубушка, разве так можно, мы ведь не одни, – проникновенно убеждал я, целенаправленно отпихивая от себя прекрасное тело.

Однако хозяйку это не остановило, напротив она вцепилась в меня еще сильнее и начала сползать вниз, не переставая осыпать все, что по пути попадалось ее губам «лобзаннями, глухими к укоризне». Я просительно посмотрел на мужа, надеясь, что может быть он, урезонит свою разгорячившуюся супругу. Однако тот уже в полной мужской готовности, тарасился не на свое, а на мое сокровище!

Я далеко не ангел, мало того, не моралист и вообще, как мне казалось, не совсем нравственный человек, но к такой сексуально свободе и открытости оказался совершенно не готовым.

– Эй, ты что это делаешь! – закричал я, непонятно к кому обращаясь. Хозяйка уже опустилась на колени, продолжая целовать все, что ни попадя, а ее муженек притянул к себе Марфу. – А ну, отвали! – теряя остатки толерантности, заорал я. – Забыла, коза, что Je sale, grossier et le moujik!

– Обожаю, грубых, грязных, вонючих мужиков! – на секунду отпустив меня, зыбким истеричным голосом закричала хозяйка, и опять присосалась ко мне как клещ.

– А ну, убери руки, смерд! – словно ей в ответ, завопила Марфа и едва обсохший хозяин, снова оказался в бассейне. – Ты, это чего мужичка с Лешей делаешь! Тварь бесстыжая! Да я тебя за это на костре сожгут! – теперь уже к хозяйке, обратилась разгневанная боярышня. Марфа бросилась к нам, схватила рыжую за волосы, отволокла ее от меня и швырнула на пол. Потом вернулась ко мне, – Это что же такое делается! Как ты? Не успела откусить вампирша?

Я не ответил, любуясь прекрасной разъяренной фурией. Гибкая, сильная, с развевающимися волосами, Марфа походила на какую-то древнюю богиню-воительницу.

– Ну, слава Богу, а то я так испугалась! – воскликнула она, убедившись, что у меня все на месте. – Ты знаешь, куда мне вон тот смерд, свою руку сунул?! – спросила она, показывая на пытающегося вылезти из воды хозяина.

Куда обычно пытаются попасть мужские руки, я примерно представлял, потому, подробности выяснять не стал. К тому же нам нужно было заканчивать помывку и идти собирать вещи. То, что нас теперь вышвырнут из милого, гостеприимного дома – можно было не сомневаться. Предоставив хозяйке помогать мужу, выбираться из бассейна, мы с Марфой оделись и вернулись в свои апартаменты.

– Чего это они такое делали? – спросила девушка, начиная понимать, что произошло что-то недоступное ее пониманию.

– Другое время, другие нравы, – ответил я, не зная, как можно в двух словах объяснить чужую и, главное, чуждую культуру. – Они живут по-своему, мы по-своему. Я ведь просил тебя не удивляться.

Однако девушку, оказывается, волновал еще один вопрос:

– А она, та мужичка, хотела тебе откусить?

– Не думаю, скорее всего, ей так делать было приятно самой.

– Чего ж в таком приятного? – искренне удивилась Марфа.

– Ну, как тебе сказать, ты пока мало знаешь, может со временем, и сама так будешь делать.

– Никогда! – возмущенно воскликнула Марфа. – Лучше в омут с головой!

Три часа назад она обещала «помереть», если ей придется надеть современное платье. Теперь броситься в омут головой от разновидностей любви. Я начал бояться, что бедолага не протянет на этом свете и до следующей недели.

Полагая, что нас с минуту на минуту попросят выметаться, я предложил целомудренной подруге подкрепить силы ветчиной. Не успели мы вытащить и разложить на столе припасы, как явился ливрейный мажордом. Выглядел он необыкновенно торжественно.

– Сейчас пообедаем и уйдем, – сказал я, не давая ему открыть рта.

Он ничего не ответил и, выдержав паузу, будто не услышал того, что я сказал, передал приглашение хозяев присутствовать сегодня вечером на званном ужине.

Было похоже на то, что недавний конфликт сошел нам с рук без последствий. Однако ни на какие приемы я идти не собирался, уже по той причине, что не хотел выглядеть ярмарочным медведем.

– Передайте, своим господам нашу благодарность, но, к сожалению, у нас на этот вечер другие планы.

– Чего ему нужно? – поинтересовалась Марфа, на которую белые чулки управляющего почему-то производили завораживающее впечатление.

Я для нее перевел хозяйское приглашения и объяснил, почему отказался. Не знаю, каким образом, но мажордом меня понял.

– Если вас смущает одежда, – сказал он, – то могу вас уверить, прием будет для узкого круга лиц и можно прийти запросто. Вполне достаточно обычного смокинга.

– Ты что! Издеваешься?! – воскликнул я. – Какой смокинг! У меня нет ничего кроме этого старого камзола, в котором не пойдешь даже на рыбалку, всю рыбу распугаешь!

Управляющий искренне удивился:

– Если вы пожелаете, то новая одежда будет готова через час. Я тотчас же пришлю портного.

Теперь удивился я:

– Что значит, новая? Перешьют чью-то старую? Спасибо, но чужих обносков нам не нужно.

Мажордом озабоченно нахмурил лоб, потом что-то понял и объяснил:

– Вы, наверное, долго жили в провинции потому, не в курсе дела, у нас тут в имении есть свой мастер, которому можно заказать любое платье. Одежду шьют автоматы по заданной программе. Для этого нужно знать только размер и выбрать фасон...

– Мне нужно новое платье и белье! – вмешалась в разговор Марфа на вполне современном русском языке.

Управляющий поклонился, а я посмотрел на девушку примерно так же, как Электра недавно смотрела на говорящего Полкана.

– Тогда позвольте сейчас же прислать портного, – сказал он, будто вопрос о нашем присутствии на приеме уже решился.

– Ладно, присылайте, – вынуждено согласился я.

– Ты откуда знаешь, такие слова? – лишь только за мажордомом закрылась дверь, спросил я Марфу.

– Какие еще слова? – не поняла она.

– Ты только что сказала, что тебе нужно новое платье и белье!

– А что я должна ходить как черница? Сам посмотри, во что они здесь одеваются! Та же Электорка! Им, значит, все можно, а мне вообще ничего нельзя?!

– Во-первых, не Электорка, а Электра, ты её ещё электричкой назови, а во-вторых...

В этот момент я вспомнил, как булгаковский Воланд общался с москвичками во время сеанса белой и черной магии и решил провести эксперимент:

– А тебе какие духи больше всего нравятся?

– Духи? – переспросила Марфа. – Ну, не знаю, – она задумалась, – пожалуй, «Кристиан Диор», ну, а если проще, «Шанель».

Что тут можно было сказать? Первый день в новом времени Марфа прожила не зря! Всего час общения с массажисткой, и какие потрясающие результаты!

Не успели мы, что называется «мявкнуть», как пришел портной. Хороший такой портной, с аршином под мышкой, сантиметром на шее, в «смазных» сапогах и почему-то с моноклем на шнурке.

Как и положено портному, он чахоточно подкашливал, источал миазмы самогонного перегара и через слово матерился. В этом, как мне показалось, он, создавая образ старинного мастерового, перепутал портного с сапожником.

– Шиться будем или как? – спросил он, ни к месту, добавив пару матерных слов.

– Будем, – согласился я.

– Тебе поддевка, а бабе сарафан?

– Мне смокинг, а даме вечернее платье, – подтвердил я. – Можно посмотреть модели?

– Это нам раз плюнуть, – небрежно ответил он и, развернул принесенный с собой экран и повесил его на стену.

– Кому сначала будем выбирать, тебе или бабе?

– Если можно, то мне, – поспешно попросил я, предполагая какое время, может занять рассматривание женских мод. – Сначала выберем мне смокинг, а потом дама...

Марфу гибкий белый экран заинтересовал, и она внимательно его осмотрела, кажется, надеясь как-то использовать для пошива платья. Но, подумав, отвергла:

– Слишком толстая холстина, будет топорщиться.

Портной ее протест проигнорировал и вывел на монитор модели смокингов. Марфа увидев человека прямо на стене, потеряла дар речи.

– Вот такой сшейте, – решил я, остановившись уже на третьей предложенной модели.

Теперь начиналось самое интересное. Портной вставил в глаз монокль и осмотрел Марфу. Свои впечатления он сформулировал одним кратким междометием: «Гм». Я его понял. Понять, что скрывается под балахоном черного сарафана и повязанным до глаз платком, можно было только при помощи рентгена. Однако уверенности портной не потерял, спросил:

– Шить будем что-нибудь подобное? У меня найдётся пара подходящих моделей.

– Что это он такое говорит? – подозрительно спросила меня Марфа.

– Интересноется, что ты хочешь сшить.

– Пусть покажет, что другие боярышни носят.

Я перевел.

– Но, у меня несколько десятков тысяч моделей! Пусть эта... пардон, не знаю, как назвать, бабушка, скажет что искать!

– Марфа, тебе, пожалуй, придется раздеться, а то он не знает какая у тебя фигура, думает, что ты старуха, – насмешливо сказал я.

– Пусть все покажет!

– Все его картинки посмотреть и недели не хватит.

Я с интересом ждал, что предпримет Марфа. Она сердито посмотрела на нас с портным, помедлила, видимо, не зная на что решиться и, вдруг, ничуть не стесняясь, сбросила с себя сарафан и размотала платок.

Я просто не учел того, что ради великой цели любая настоящая женщина не остановится ни перед чем!

– Э... – начал что-то говорить портной и замолчал. Монокль выскочил из его глазницы и закачался на шнурке, а он забыв и о нем, и об образе чахоточного пьяницы, сразу превратился в обычного молодого парня, смутился и отступил на несколько шагов.

– Теперь он видит, что я не старуха?! – гордо спросила Марфа.

Девушка, что ни говори, был чудо как хороша. Особенно теперь в мягком свете, с поднятой головой и распущенными волосами, пышными и воздушными после хороших шампуней.

– Э... – продолжил портной прерванную мысль. – Э...

Мне совсем не понравилась такая реакция на небезразличную мне модель.

– Ну, теперь вам все ясно? – спросил я. – Марфа, немедленно оденься!

– Если можно, еще чуть-чуть, я только сканирую форму, – парень так вспотел, что с носа упала капля. – Неужели это все свое, натуральное, без пластики?

– Конечно натуральное, – с непонятной гордостью подтвердил я. – Марфа, долго ты будешь копать?!

– Я ее вижу, я чувствую, – бормотал портной, уже начиная творить образ. – Пусть она как хочет... я не предаю искусство! Такая фактура...

Марфа из всего того, что говорил портной, не поняла ни слова, но впечатление, которое произвела, оценила, видимо потому одевалась в свою хламиду медленно и неохотно.

Однако портной больше не смотрел на нее, он лихорадочно нажимал маленькие кнопки на своем пульте.

– А когда одежда будет готова? – поинтересовался я.

– Скоро, сейчас пришлют образцы на примерку, – нервно ответил он.

Я только покачал головой, поражаясь такому прогрессу. Ждать пришлось действительно недолго, всего минут пятнадцать. К нам вошла Электра и внесла внушительного размера контейнер, похожий на обычный, только очень большой чемодан. Портной бросился к ней и буквально вырвал его из рук. Мне становилось все интересней.

– Раздевайтесь, – приказал он девушке, открывая крышку.

Марфа все поняла и без моего перевода, начала торопливо раздеваться, любопытным глазом заглядывая в его недра наполненные какими-то вещами. Электра не получив новых распоряжений, осталась в комнате, заинтересованная тем, что здесь происходит не меньше всех остальных.

– Сначала белье, – подавая Марфе нечто совершенно невесомое и эфемерное, приказал портной.

Она взяла *это* в руки, удивленно смотрела, явно не зная, что делать дальше.

– Я помогу, – вызвалась Электра. – Мужчинам лучше не смотреть!

Легко сказать, не смотреть, когда происходящее так захватывающе увлекательно! Однако она была права, и мы с портным отошли к окну.

– Первый раз мне встречается такая совершенная модель, – тихо сказал мне портной, задумчиво водя пальцем по оконному стеклу. Он уже и думать забыл о своих фигурских штучках, а сантиметр скомкал и засунул в карман.

Я невольно оглянулся на Марфу, пытаюсь понять, что такое замечательное он в ней увидел. Фигура у нее и правда была отменная, но ничего особенного я в ней не находил.

– Подумать только, я даже не предполагал, что мне встретиться такая идеальная гармония!

Электра уже помогла Марфе надеть самые ответственные части белья. Теперь, когда на ней появились элементы одежды, мне показалось, что в девушке что-то изменилось, она стала как будто выше и стройнее.

– А что с моим смокингом? – спросил я.

– Готов, – ответил он, – мужская одежда самое простое. Все там в контейнере...

– А туфли! – вдруг вспомнил я.

– Какие туфли?

– У меня нет обуви, смокинг вряд ли сочетается с этим, – показал я на свои опорки.

– Обувь тоже быстро, – ответил он. – А кто шил ваше платье?

– Не знаю, мне камзол достался от одного, – я едва не сказал «разбойника», но успел поправиться, – знакомого. Посмотрите, настоящая ручная работа!

– Вас обманули, – усмехнулся он, – это не более чем искусная стилизация. Поверьте, уж я-то знаю толк в таких вещах!

– Да? Может быть, может быть, – ушел я от спора. – А что, теперь многое стилизуется?

– Многое? – переспросил он. – Да, практически всё. Вы, что сами не знаете?

– Так что и это всё не настоящее? – спросил я, трогая мраморные откосы окна, украшенные тонкой резьбой.

– Конечно. Здешние господа богатые люди, их предки стояли у истоков нашей государственности и оставили после себя огромное состояние, но даже они не в состоянии отделять дома настоящим мрамором.

– Значит дворец, колонны, картины – подделка?

Портной смутился, посмотрел на меня красноречивым взглядом, потом усмехнулся и пожал плечами.

– Я не строитель, откуда мне знать, возможно, здесь действительно все настоящие...

– Понял, – начал я, но договорить не успел, нас окликнула Электра:

– Теперь можно смотреть!

Мы обернулись...

Глава 5

Прием был назначен на семь часов вечера. У нас еще оказалось немного времени отдохнуть и привести нервы в порядок. За полчаса до назначенного времени, мы начали одеваться. Марфа от своего платья была на седьмом небе. Топиться в омуте она раздумала и от головного платка отказалась с необыкновенной легкостью.

Уже перед самым выходом у меня мелькнула крамольная мысль.

– Пожалуй, мы пойдем туда не просто так, а в шубах, – сказал я.

– Что бы я на такое шубу надела! – возмутилась Марфа.

– Ты обещала слушаться меня во все, вот и слушайся, – решительно сказал я. – Мы теперь посмотрим, кто здесь грязный мужик и страшная баба!

Оказывается давешний разговор хозяев меня задел. Да и кого бы такое уничижительное отношение ни обидело?

– Ну, пожалуйста, давай пойдем без шуб, кто сейчас их носит! – взмолилась девушка.

Оказывается, она уже знала, что теперь носят!

– Все, это не обсуждается! Ты мечтала увидеть телегу без лошади? Вот и смотри в окно, вон их сколько понаехало!

Действительно, в имение один за другим въезжали автомобили, все в стиле ретро, «Роллс-ройсы» начала двадцатого века, на которых ездили западные миллиардеры и члены Советского рабоче-крестьянского правительства, огромные «Кадиллаки», бесконечные «Линкольны»... После сегодняшнего разговора с портным, на все эти навороты, я смотрел немного иными глазами.

– Чего на них смотреть, подумаешь невидаль, – грустно сказала Марфа, наблюдая как я выворачиваю наши шубы мехом наружу. – А что ты делаешь?

– Ты даже представить не можешь, сколько теперь стоят настоящие русские соболя, – ответил я, с удовольствием убеждаясь, что старинные шорники свое дело знали и шкурки подобрали практически идеально.

– Ты тоже так пойдешь? – отвлекаясь от самоходных карет, спросила Марфа, наблюдая, как я начал выворачивать на изнанку и лисью шубу. – Мужчинам без крытки ходить не пристало!

– Ничего, мне можно, только ты никому о том не говори. Давай я помогу тебе одеться.

Конечно, я немного рисковал выглядеть смешным, но очень хотелось хоть немного утереть нос местным снобам. Нашей меховой одежды никто пока не видел, шубы лежали в мешках, так что на какой-нибудь эффект вполне можно было рассчитывать. Марфа нехотя надела шубу, подошла к огромному зеркалу, посмотрела на себя и кажется, осталась довольна. Я же был ею просто очарован: гордая головка, увенчанная толстой косой, высокий чистый лоб, большие выразительные глаза, шея, как башня Давидова, ну а ниже такое великолепие, которое под силу описать только поэту, а не мне, косноязычному бытописателю.

– Ну, скоро мы пойдем? – торопила Марфа, которой не терпелось сразить свет своими новыми нарядами. – Посмотри, уже давно все собрались!

Мажордом говорил о десяти вечера. Часов у меня не было, а спросить о точном времени Электру я не догадался. К тому же прием был заявлен как скромный, для своих. Своими мы здесь не были, но после той небольшой интимной близости, которая наметилась с хозяевами на берегу бассейна, могли особенно не чиниться.

– Ладно, пошли, – согласился я, надевая лисью шубу.

Марфа посмотрела на меня и расхохоталась.

– Мы теперь с тобой стали, как лесные охотники!

Я глянул в зеркало и не смог с ней не согласиться. Выглядели мы не светскими львом и львицей, а полярниками на зимовке. Пришлось признать свою неправоту и раздеться.

– А ты остаешься в шубе, – остановил я попытку спутницы избавиться от мехов. – И не смей мне перечить, ты обещала слушаться!

Марфа обиделась, у нее на глазах даже блеснули слезинки, но мужской авторитет в патриархальные времена был еще непререкаем – смирилась. Мы вышли из гостевого дома и напрямую отправились во дворец.

Похоже, что мы все-таки поторопились. Нас там еще не ждали. Когда мы вошли в «колонный зал», в дверях не оказалось даже лакеев. Большая группа людей, в окружении стоящих на почтительном расстоянии слуг, коллективно смотрела интересный спектакль.

Не могу ни признать, что за последние годы техника достигла больших высот. Двумя часами раньше я был более чем удивлен программным пошивом одежды, теперь, просто поражен качеством изображения и великолепием съемок. Экран или то, что было вместо него, отсутствовал. Объемная проекция парила как бы в пространстве, в трех измерениях.

Документальное кино, которые так увлеченно смотрели гости и обслуживающий персонал, можно было бы назвать грубо, но точно: «Явление придурков народу».

К сожалению, этими придурками были мы с Марфой. Какой-то умелец так искусно смонтировал в фильм эпизоды нашего пребывания здесь, что зрители буквально покатывались со смеху. Что, безусловно, не могло не понравиться, это качество съемки. Демонстрировалась не просто видеозапись камер наблюдения, а вполне профессиональная съемка с нескольких точек, с крупными планами, стоп-кадрами, короче говоря, грамотно сделанный документальный фильм.

Само собой, никаких сцен, которые можно было двояко трактовать, показано не было. Ни мое столкновение с охраной, ни «эротические» моменты у бассейна в фильм не вошли. Зато в избытке демонстрировались наши растерянные или удивленные лица, неловкие движения, смешные ситуации.

Я вполне мог бы вытерпеть даже пересоленные шутки, но сцены с нашим раздеванием в предбаннике и, особенно, эпизоды в массажных кабинетах, были злы и лживы от начала до конца. Во время массажа, возможно, какой-то эротический момент и присутствовал, трудно без этого обойтись, когда на массажистках надето в малозаметных местах по одной прозрачной ленточке и во время работы она пускает в дело все части своего тела. Но между мной и ними, а уж тем более Марфой и ее массажисткой, не было, да и нее могла быть, никаких «неформальных» отношений. Тоже что сейчас показывали крупным планом в объеме и цвете, дамам вообще следовало смотреть с презервативами наготове, чтобы случайно не забеременеть. Похоже, те две тетki, которых я принял за банщиц, прячась за своими «пультами», специально отыскивая смачные моменты, играя масштабами, светом и тенью. Словом, они к радости зрителей, потрудились на совесть!

Публика от зрелища пребывала в полном восторге, одна главная героиня, похоже, просто ничего не поняла.

– Это кто там были такие? – тихо спросила меня Марфа, когда кино кончилось и все исчезло. Она явно не сопоставила себя с огромными реальными фигурами, кувыркающимися в воздухе.

– Потом все объясню, – попросил я, – а сейчас веди себя так, будто ты настоящая царица.

Просмотр кончился под одобрительные возгласы гостей, но заплотировал только один человек. Я громко и неспешно хлопал в ладоши, пока говор не смолк, и к нам не повернулись все недавние зрители.

– Очень милый фильм, – так чтобы было слышно всем, сказал я, – только жаль, что в нем не хватает некоторых эпизодов!

Наступила мертвая тишина. Нас явно узнали. Только теперь перед насмешливой толпой стояли отнюдь не неуклюжие оборванцы. Марфа, как истинная женщина почувствовала высокую ноту и на минуту сумела превратиться в гордую русскую царицу. А уж когда она повела плечом, и драгоценный мех вспыхнул сибирскими искрами и заиграл всеми своими благородными оттенками, присутствующие бабы просто сломались и потекли от зависти.

Не знаю, кто были эти люди, возможно, представители власти или нувориши, способные украсть или купить половину Сибирской тайги.

Но сюда они приехали на стилизованных машинах, были одеты в компьютерные модели, а не в серые русские соболя!

Судя по реакции присутствующих, счет стал, как минимум, один – один. Дальше я пошел на выигрыш: громко щелкнул пальцами, ткнул указующим перстом в мажордома и небрежно поманил его согнутым указательным пальцем. Все теперь смотрели на меня и на палец. Управляющий послушно подошел, не посмеяв ослушаться.

– Прими-ка, голубчик, шубу! – громко сказал я и, сдернув меховую рухлядь с Марфиных плеч, кинул ему на руки. И тут раздался общий глубокий вздох. Думаю, что такое торжество, даже очень красивым женщинам не всегда выпадает в жизни. Все без исключения мужчины разом заиндевели и забыли о своих спутниках.

Я не знаю, как это получилось у портного, подлинное искусство плохо поддается описанию, но то, во что он превратил обычную, хоть и миловидную девушку, было истинным шедевром. Возможно, главная причина заключалась в том, что мастер сумел заключить ее простоту и естественность в соответствующую оправу, подчеркнув формой содержание. Причем это, как мне кажется, оценили все: женщины не найдя у нее никаких следов косметических или стилистических ухищрений, завидуя юности и чистоте, мужчины на основном инстинкте.

Теперь счет стал разгромным, и нам с Марфой нужно было очень постараться, чтобы проиграть поединком. Ни она, ни я делать этого не собирались. Однако и враг не дремал.

Оправившись от неожиданности, из толпы вышел хозяин. Сказать, что он был просто зол, значит ничего не сказать. Он был в ярости, я видел, как у него подергивается веко и уголок губы. Однако держать себя в руках он умел, сказал негромко, но так чтобы все услышали:

– Друзья, это и есть наши новые знакомые, Позвольте вам представить, Алексей Крылов и Марфа Бахметева!

Удар он нанес, что называется, наотмашь. Надеюсь, что лицо у меня в тот момент не очень изменилось, во всяком случае, я попытался приветливо улыбнуться. То, что он назвал по имени и фамилии не только меня, но и Марфу, сразу все ставило на свои места. Только на этом месте, мне находиться совсем не хотелось. Было похоже, что в этот раз я попал не к своим родственникам...

Я сам до сих пор не знал даже имен хозяев. Представиться залетным бродягам они не сочли нужным, а слуги их называли просто «господами». Они же, оказывается, знали даже то, чего не знал я, фамилию моей спутницы.

– А теперь, друзья, – кончил он, явно наслаждаясь произведенным на меня эффектом, – прошу всех в столовую! Эльвира, приглашай гостей к столу, – добавил он, нежно беря жену под руку.

Все тут же задвигались и парами пошли вслед за хозяевами к выходу из зала.

– Твоя фамилия Бахметева? – тихо спросил я Марфу.

Девушка испытывала большой эмоциональный подъем, чувствовала себя на седьмом небе от счастья и ничего странного в том, что ее здесь знают, не заметила.

– Да, – ответила она, – разве я тебе не говорила?

– Нет, не говорила, а здесь, ты себя кому-нибудь называла?

– Нет, меня никто не спрашивал.

– А обо мне спрашивали?

– Тоже нет, я фамилию твою сейчас первый раз услышала.

Было похоже на то, что все у нас с ней складывается совсем плохо. Между тем все гости вошли в огромную парадную столовую. Здесь царил дух того же, что и везде, имперского пижонства: огромный стол, резные стулья «а-ля восемнадцатый век», куверт на тридцать персон. Фрачные лакеи разводили гостей по их местам. Лишь только мы вошли, к нам подошел затянутый во фрак парень с блестящими, смазными каким-то маслом волосами, разделенными пополам на прямой пробор. Видимо такими хозяева представляли себе настоящих лакеев.

– Извольте, я вас провожу, – сказал он, небрежно кланяясь.

– Где наши места? – спросил я, не спеша идти за ним.

– Очень удобные-с, там вон, с краюшка, – ответил он, кивая в сторону конца стола, – не извольте беспокоиться, жрачка здесь хоть и халявная, но по высшему классу. Где сидеть – без разницы.

– Это тебе без разницы, а нам большая разница. Марфа, нам предлагают сесть за стол последними, как нищим. Как ты думаешь, согласимся?

Кажется, я ей сказал это зря. Задумка была простая, тихо отсюда уйти. Решил, что по-другому Марфу отсюда не вытащить. Однако она отреагировала неожиданно и самым неприятным для меня образом.

– Мне сидеть в конце стола? – во весь голос спросила она. – Ниже всех этих худородных холопов!?

На нас и так пялила глаза вся публика, а после ее громкого не совсем понятного заявления, да еще сказанного с возмущенной интонацией, в столовой наступила тишина. После всего, что сегодня здесь уже случилось, народ ждал скандала!

– Что эта сказала? – негромко спросила хозяйка. После того, как к ней в зале обратился муж, я наконец узнал ее имя – Эльвира. Ей никто не ответил.

– Что сказала эта?! – повысила она голос.

Пришлось мне брать на себя решение конфликта.

– Госпожа Бахметева, просит нас извинить, у нее разболелась голова, и мы не сможем остаться на ужин, – спокойно объяснил я.

Язык за четыреста пятьдесят лет, безусловно, сильно изменился, но все-таки не настолько, чтобы присутствующие не поняли слов: «худородные» и «холопы».

После моих извинений наступила тишина, я уже подумал, что теперь нам дадут уйти с миром, как вдруг какая-то женщина в ярком красном платье, сидевшая по левую руку от Эльвиры вскочила из-за стола и, забыв, что находится в атмосфере старинной степенности, закричала хорошо поставленным голосом коммунальной скандалистки:

– Это кто здесь худородные? Это наша Эльвирка худородная? Да у нее дед министром был и депутатом! А у Вадькиного деда была своя фракция в думе! Это ты лявва, тварь подзаборная!

Только теперь, когда дама в красном, немного приоткрыла тайну личностей и происхождения наших хозяев, я посмотрел туда, куда она указывала. На стене столовой висело несколько портретов в современной моей эпохе одежде. Как нетрудно было догадаться по умным, сосредоточенным лицам, это были портреты отечественных политических деятелей. Среди них пара рож показались мне знакомыми. Фамилий их обладателей я не знал, но помнил, что они часто мелькали по телевизору и публично боролись против коррупции, воровства, мздоимства, за народное счастье и процветание, Судя по тому, как теперь жили их внуки, добиться своей цели им удалось.

– Что кричит глупая мужичка? – спросила меня Марфа.

И опять у меня было чувство, что ее вопрос все поняли правильно, но, тем не менее, ждали моего перевода.

– Эта женщина говорит, что предки наших хозяев заседали в думе, – объяснил я.

Мне очень не нравится в людях родовая спесь, лучше все-таки гордиться своими успехами, а не покойными предками, но особые претензии Марфе предъявить было сложно, в ее темную эпоху, это было нормой поведения, Теперь, когда она узнала, что предки наших хозяев заседали в думе, посмотрела на них по-другому.

– В думе? – повторила она. – При каком царе?

Красная дама ее поняла, и отбрила:

– При каком? А при таком, при первом царе, при Борисе и потом тоже...

– При Борисе Годунове? – удивилась Марфа, оглядываясь на пиджачные портреты знатных предков.

– Кто такой Борис Годунов, – громким шепотом спросила красивая молодая женщина в открытом лиловом вечернем платье.

– Царь такой был, во времена Пушкина, – ответил ей сосед по столу, скорее всего, муж.

– Пушкина? – громко переспросила она. – А кто такой...

– Заткнись, дура! – оборвал ее собеседник.

И разом общее напряжение прошло: кто-то из гостей негромко хмыкнул, фыркнула какая-то смешливая гостья, на другом конце стола засмеялись откровеннее, и вдруг все собрание разразилось хохотом. Смеялись долго и весело. Общее веселье подогрела сама виновница происшествия. Сначала она не поняла причину общей радости, потом развеселилась, глядя на мрачно сидящего спутника и, когда уже почти все замолчали, сама залилась как звонкий колокольчик. Этого не выдержал даже муж, махнул рукой и закатился вместе со всеми гостями.

Я попытался воспользоваться моментом и незаметно уйти, но дорогу преградил мажордом и пригласил нас сесть подле хозяев. Яркая дама в красном вместе со своим кавалером куда-то исчезли, так что места оказались свободны. Я подумал, что теперь у нас появилось еще двое непримиримых врагов. Стоит только высунуться из общего болота и квакнуть, как тотчас обрастаешь недоброжелателями. Может быть, и меня здешние хозяева раздражают именно своим показным богатством и сибаритством. Зависть – мерзкое человеческое качество, плохо поддающееся самоконтролю. Все мы, в конце концов, вылеплены из одного теста...

– Господа просят оказать им честь, – говорил мажордом, во время общего веселья, умудряясь сохранять невозмутимое лицо.

Как ни хотелось мне скорее отсюда уйти, на что были две веские причины, теперь, когда хозяева исправили ошибку, отказываться сесть за стол, было бы глупо.

Первая веская причина, попытаться пока хозяевам не до нас, покинуть эти гостеприимные чертоги, вторая – сервировка стола. Мне в восемнадцатом веке приходилось сиживать за парадно накрытыми столами, и хотя до всех тонкостей европейского этикета я так и не добрался, но что-то из общих правил усвоил. Другое дело Марфа, которая, толком не зная, как пользоваться салфеткой не говоря уже о полудюжине вилок и ножей. Я не хотел давать хозяевам возможность получить реванш, демонстрируя ее неосведомленность в этикете.

– Мы сейчас вернемся, – сказал я управляющему, – даме нужно попудрить носик.

Не знаю, просуществовала ли до этого времени пудра, но он меня понял и показал где здесь туалеты.

– Марфуша, – сказал я, когда мы вышли из столовой, – они хотят над тобой посмеяться и показать какая ты невоспитанная. Ничего сама со стола не бери и не трогай посуду. Ешь, пей и делай только то, что и я. С соседями не разговаривай. Что бы тебя ни спрашивали, молчи и улыбайся.

Марфа согласно кивнула. Мне кажется, она и без моей помощи уже разобралась в том, что здесь происходит.

Больше ничего интересного не произошло. Обычный ужин в незнакомой компании, когда не понимаешь и половины «внутренних» шуток и вынужден слушать чужую хвастливую болтовню. Еда была до безобразия полезной, и видимо оттого совсем пресной и невкусной.

Подавали сплошные овощи, протертые супы, желе. Пили безалкогольные вина и даже безалкогольную водку!

Марфа сидела рядом с хозяином, я – с хозяйкой. Мне казалось, что Вадиму не терпелось дождаться от меня вопроса, откуда ему известны наши имена. Я, само собой, такого удовольствия ему не доставил. Эльвира сначала напрягалась, потом пыталась гладить мне колени, бледнела, нервничала и с ненавистью смотрела на Марфу.

Короче говоря, вечер вполне удался.

Глава 6

– Нам нужно отсюда бежать нынешней же ночью, – сказал я Марфе, когда мы возвращались в гостевой дом.

Девушка согласно кивнула, потом вдруг широко, во весь рот зевнула, прикрыла его ладонью, перекрестила, чтобы случаем не залетел черт, и умоляюще попросила:

– Давай лучше завтра, я так устала!

– Что значит завтра? – удивился я. – Ты, что не понимаешь, нас сегодня могут убить!

– Вадька, что ли? – спросила она, уже называя хозяина небрежно-уменьшительным именем. – Зачем ему нас убивать, когда он мне назначил свидание.

Довод был убийственный, но меня не убедил.

– Он тебе, что понравился? – спросил я, немного удивленный такой скоростью адаптации средневековой девушки к нравам электронной эры.

– Ничего, чистенький, – безразлично ответила она. – Они все тут какие-то не такие, как будто не настоящие.

– Ладно, – решил я, когда мы уже входили в арочные двери постсоциалистического замка, – ложись спать, а я посмотрю, что можно сделать.

Полкан встретил нас, точнее сказать, Марфу так радостно, будто уже не чаял увидеть. Кроме нескольких слов, о которых я уже упоминал, он пока больше ничего не сказал. Разбираться с его новыми талантами у меня времени не было.

– Полкаша, – извиняющимся голосом сказала Марфа и потрепала пса по голове, – мне очень хочется спать.

Девушка сразу же ушла в спальню. Я удержался от соблазна последовать ее примеру, сел в кресло и попытался суммировать все, что успел узнать об имени, его обитателях, и охране. Бросаться бежать очертя голову, к тому же неизвестно куда, я не собирался.

Кресло было уютно, а я так устал, что пригрелся и незаметно уснул.

Разбудил меня странный звук, напоминавший телефонный зуммер. Никакого телефона у меня, само собой, не было, и ничьих звонков я не ждал. По давней привычке, соблюдать осторожность, незаметно приоткрыл глаза. В комнате кроме меня никого не было. Я встряхнулся, отгоняя сонную одурь. Опять, теперь уже въяве, раздался тот же странный звук.

– Кто это? – спросил я, пытаясь понять, откуда он исходит.

– Это я, портной, – сказал кто-то невидимый вполне членораздельно, но очень тихо.

– Портной? – повторил я, не понимая, что это, действительно человеческий голос или звуковые галлюцинации.

– Молчи, ничего не говори, сядь, как сидел и закрой глаза, – испугано попросил невидимый портной.

Я удивился, но, уже имея представления, какие тут совершенные камеры наблюдения, решил послушаться и откинулся на спинку кресла.

– Вот и хорошо, – с облегчением сказал невидимка. – Меня зовут Денис, это я вам сегодня делал одежду.

Я на его слова никак не отреагировал, даже не кивнул, не понимая, что это: у меня поехала крыша или здесь такие совершенные виды связи.

– Говорить буду только я, а ты когда я спрошу, только кивни, согласен или нет.

Я сидел с закрытыми глазами ждал, что будет дальше. Он заговорил снова:

– Сегодня вас должны убить. Меня уволили с работы, и я скоро уезжаю, это для вас с Марфой единственный шанс выбраться отсюда. Это очень сложно, и нам нужно обсудить детали. Вы согласны бежать? Если, да, кивни.

Почему портного уволили и чего ради, он решил нам помочь, было непонятно. Но это были вопросы второго порядка.

Мало ли отчего люди совершают те или иные поступки, может быть этот Денис, как и я, гуманист по натуре, или решил таким образом отомстить работодателям! Пока же нужно было соглашаться или посылать его куда подальше.

Я кивнул.

– Хорошо, тогда не спеша, просыпайся, иди в туалет, а на обратном пути, когда будешь возвращаться, зайди в первую левую дверь по ходу. Там кладовая и нет аппаратуры слежения. Я тебя там жду.

Это уже было нечто конкретное. Я поступил точно, как он проинструктировал: сделал вид, что проснулся, встал, размял затекшее тело, и, не спеша, направился в туалет. Справа в стене оказалась узкая неприметная дверь, такие обычно ведут в служебные помещения. Сразу входить туда я не стал, и полностью выполнил все его предписания.

Голоса больше слышно не было. Я даже подумал, не приснилось ли мне все это. Спустив в унитазе воду и помыв руки, я отправился назад. Проходя мимо, невзначай толкнул нужную дверь, и она неслышно открылась. В комнате было темно. По спине пробежали мурашки. Это был верный признак того, что мне страшно. Однако я рискнул и быстро вошел. Дверь тотчас закрылась, и я оказался в полной темноте.

– Я здесь, – сказал знакомый голос портного. – Пока все в порядке.

– И кто нас хочет убить? – задал я самый резонный в такой ситуации вопрос.

– Сам послушай, – ответил он, и я почувствовал, как чужая рука прикоснулась к моему лицу и что-то вложила в ухо.

– Ты уже пять лет не спал со мной! – с места в карьер, закричала Эльвира. – Что ты от меня хочешь! Я живой человек и имею право на личное счастье!

– Тебе мало всех этих охранников и лакеев? – резко, с нескрываемой ненавистью, ответил ей голос Вадима. – Ты еще захотела поиметь клиента?! Его нужно было убрать сразу же, как только он появился...

– Почему это одного его, а не их обоих? Что запал на мерзкую, грязную, тупую девку? Я что не видела, как ты... как у тебя на нее... Я тебе уже совсем не нужна... Ты мне просто отвратителен!

– Это не твое дело! Мне даже прикасаться к тебе противно, ты сама этого хотела и своего добилась!..

– Какой же ты негодяй! Ты забыл, что я для тебя сделала...

– Дальше они ругаются, это неинтересно, – вмешался в семейную ссору Денис, – послушай самый конец.

– Если мы этого не сделаем сегодня, то нам никогда не простят, – уже спокойно сказала Эльвира. – Придется тебе пойти на жертву! Обойдешься и без сельской шлюхи.

– Ты опять начинаешь? – сердито спросил Вадим. – Мы кажется, уже обо всем договорились! В четыре часа я включу газ. Все будет выглядеть, как несчастный случай.

– И не жалко тебе красотку? – опять не выдержала жена. – Ты ее так и не попробуешь?

Голоса смолкли.

– Теперь все понятно? – спросил портной.

– Как тебе удалось сделать запись? Тут мне кажется, такая мощная система безопасности.

– А... ерунда. Чем сложнее система, тем больше в ней дыр. Я ведь не только портной, но и программист.

– А почему ты решил нам помочь?

Денис ответил не сразу. Потом заговорил как-то неопределенно, не так уверенно и конкретно, как раньше:

– Я подумал, что это они Марфу хотят убить в общем из-за меня... Ну, то что я так ее одел... Они хотели над вами пошутить и велели ее вырядить, но я не смог... Когда я ее увидел... Меня за это и выгнали... Потом, в общем... Не люблю я их всех. Да, – наткнулся он на новую мысль, – сколько можно надо мной издеваться! Вообще, вот так.

Несмотря на такую сумбурную речь и все ее несостыковки, мне все стало понятно. Парень так запал на мою красавицу, что не побоялся рискнуть жизнью. Выходит, во все времена существует большая, самоотверженная любовь!

– И как же ты собираешься нам помочь? – оставив выяснение личных отношений на более подходящее время, спросил я.

– У меня машина, вы спрячетесь в багажник, и я вас вывезу. Мне приказали убраться отсюда сегодня же.

План был вполне реальный. Теперь нужно было узнать и продумать детали.

– Здесь только одно КПП, ну в смысле, одни ворота?

– Нет, что ты, двое. Одни здесь, вторые через полкилометра, там, где внешняя стена ограждения.

Это было для меня полной неожиданностью. Внуки былых избранников народа охранялись как ядерный объект.

– А какой здесь поблизости город? – задал я новый вопрос.

Не знаю, как посмотрел на меня Денис, в темноте этого не было видно, но ответил не совсем уверенно:

– Что значит, какой город? Я не знаю, какие тут есть поблизости маленькие города.

– Я спрашиваю, про большой город.

– Ты что шутишь? Только Москва.

– Ты, Денис, не удивляйся, нас сюда привезли ночью, так что я просто не в курсе. И далеко мы от Москвы?

– Нет, совсем близко. Ну, километров двадцать, тридцать.

Теперь уже присвистнул я. Иметь в непосредственной близости от столицы имение в несколько квадратных километров, да еще с такой охраной, это о многом говорило.

– А какое здесь проходит шоссе, случайно не Рублевско-Успенское?

– Нет, а что?

– Ничего, хоть этим ты меня утешил. Машина-то у тебя большая?

– То-то, и оно, что маленькая, но вы двое, я думаю, в багажник поместитесь.

– Нас не двое, а трое, ты забыл о Полкане.

– Собаку придется оставить, с ней нас сразу же поймают, – подумав, сказал он. – Не станут же они ее убивать.

– Очень даже станут. Ты слышал, что нас собираются отравить газом?

– Ну, да. Но ведь когда вас здесь не будет, то и травить станет некого!

– А кто об этом узнает, ну, то, что нас здесь нет? То-то и оно. Ведь в доме кроме нас больше никого нет. Всех гостей поселили во дворце.

– А горничная? – подумав, спросил он.

– Точно, здесь же с нами еще живет Электра! – вспомнил я. – В соседней комнате!

– Выходит, они и ее решили заодно, – задумчиво сказал портной, – может быть, хозяйке она никогда не нравилась...

– Выходит другое, в твою машину придется втискивать четверых или нам нужно будет прорываться другим путем.

– Четверо? Да ты что! Это совсем нереально! У меня же в багажнике еще лежат инструменты!

Я не знал ни что у него за машина, ни какой в ней багажник, но оставлять тут на верную смерть никого не собирался. Техника, электроника, отравляющие вещества и современное оружие это конечно серьезно, но и боевая сабля тоже чего-нибудь стоит!

– Нет, четверым все равно не влезть, – продолжал сетовать Денис. – Может быть, гувернантку просто предупредить, что бы она ушла из дома? В конце концов, это не наше дело...

– И после всего, они ее оставят в живых? – спросил я. – Ладно, что мы делим шкуру неубитого медведя, как ты думаешь провести нас к своей машине? Тут же сплошные камеры слежения.

– Я уже подготовился. На пятнадцать минут отключу сектор со стоянкой. Сегодня много гостей, никто не заметит.

– А если угнать какой-нибудь лимузин? – сразу ухватился я за новую мысль.

– Угнать? Да ты что, каждая машина знает своего владельца, код доступа взломать просто невозможно! Это же не простая электроника!

– Ладно, будем прорываться на твоей. Нас не застукают, когда мы будем собираться?

– Я же сказал, что на пятнадцать минут могу отключить весь сектор. За это время нужно все успеть! Опоздаем, все останемся здесь...

– Может быть, тебе не стоит вмешиваться? Это наше дело, зачем тебе попусту так рисковать, – сказал я.

– Нет, как ты можешь такое говорить! – возмутился Денис. – Если Марфа, то есть, если вы погибните, я себе никогда не прощу!

– Понятно. Значит, давай продумаем план действий. Ты отключаешь слежение, мы быстро собираемся и бежим к стоянке. Марфу разбужу я, объяснить, что к чему и одеться хватит пяти минут, останется десять. Ты займешься горничной, кстати, ее звать Электра. За десять минут успеем?

– Нет, нужно собраться быстрее. Пять минут нам только бежать до стоянки, потом пока вы заберетесь в машину и замаскируетесь. Вот если бы вы вдвоем...

Я пропустил его слова мимо ушей.

– Шубы мы брать не будем. Я возьму только оружие и один маленький мешочек. Свою старую одежду оставим здесь...

– Что ты, что ты! Отсюда ничего нельзя брать, нас по этим вещам сразу же найдут! Да они и развалятся через два дня! Бежать нужно только в своем платье!

– В своем, говоришь? – переспросил я, понимая, что опять возникает большая проблема. Наши носильные вещи были слишком толсты и объемны для маленького пространства автомобильного багажника. К тому же я не знал, есть ли у горничной своя, не казенная, одежда. Нужно было найти нестандартный выход. Однако долго ломать голову мне не пришлось. Самое простое решение, как водится, лежало на поверхности.

– Ладно, – сказал я, – доберемся до машины голыми, так будет легче бежать и прятаться, а потом, если все обойдется, оденемся. Если, конечно, обойдется. Вот только если нас кто-нибудь встретит в таком виде...

Денис думал не меньше минуты, потом не очень уверенно согласился:

– Можно попробовать. Я специально приготовил серые накидки, правда, всего две. Значит, вы их оденете, а я побегу так, я ведь одет в свое.

– Ну, что? Тогда с Богом!

– Сейчас я выйду на свет, чтобы ничего не перепутать, – сказал портной. – Как только скомандую, беги за Марфой.

Он осторожно вышел и спустя несколько секунд крикнул:

– Все, отключил!

Я выскочил из кладовой и сломя голову кинулся в Марфину спальню. Она без ничего лежала поверх постели. Полкан дремал на полу рядом с кроватью.

– Марфа, девочка, подъем! – крикнул я, расстилая ее платок. – Нужно уходить!

– Что случилось? – вскочив, испугано спросила она.

– Нужно бежать, нас хотят убить! – ответил я, мечась по комнатам.

Она спустила ноги на пол, изумленно наблюдая, как я собираю всю нашу одежду в одну кучу.

– Я сейчас, только оденусь, – еще окончательно не проснувшись, сказала она.

– Придется пока обойтись без одежды, – ответил я, связывая в узел платок с вещами. – Денис, ну тот портной, даст, во что завернуться.

– Он тоже здесь? – удивилась она.

– Да, это он меня предупредил, – торопливо объяснил я, сдирая с себя смокинг и остальные вещи. – Все, бежим, у нас мало времени. Полкан, за мной!

Я схватил узел в одну руку, саблю с кинжалом в другую, и бросился к выходу. Марфа без раздумий побежала следом. Полкан, соответственно, за ней.

– Денис? – позвал я спасителя. – Мы готовы!

– Она не хочет идти, – ответил он, выглядывая из комнаты горничной.

– Электра, – крикнул я, – если хочешь остаться живой, делай, что он говорит! У нас на уговоры и объяснения нет времени!

– Но я же на работе, меня уволят!

– Тебя и так уже уволили на тот свет! Быстро! Скоро сюда пустят отравляющий газ!

Кажется, такое развитие событий не показалось ей таким уж невероятным, во всяком случае, о работе она больше не упоминала. Теперь ее взволновало другое:

– Но, я не могу идти голой! – отчаянно крикнула она.

– По одежде нас сразу найдут и убьют! Мы тоже голые!

Мои слова ее так удивили, что она выглянула из своей комнаты и сказала: «Ой!»

– Быстрее! – рявкнул я и, не оглядываясь, побежал к выходу.

Кругом было тихо. Во дворце горело всего несколько окон. Я, не выходя за дверь, осмотрел прилегающую к замку территорию. Время было позднее и желающих совершить ночной моцион, на наше счастье, не оказалось.

– Возьми накидку, – сказал Денис, подсовывая мне под мышку свернутую ткань.

Мне пришлось опустить на землю узел с одеждой, чтобы кое-как закутаться. Держать накидку мне было нечем, руки заняты вещами и оружием, потому я отдал ее Электре. Остальная компания терпеливо ждала, пока она в нее завернется.

– Электра ты готова? – спросил я.

– Да, – сдавленным голосом, ответила горничная. Я представил ее теперешнее состояние и невольно усмехнулся. Думаю, любой человек, если бы его посреди ночи вытащили из постели и заставили голым бежать неизвестно куда, почувствовал некоторый дискомфорт.

– Я первым, – сказал портной, протискиваясь мимо меня наружу. – Главное, не отставайте и не задерживайтесь!

Ночь была темная. Фонари ярко освещали главную площадь перед дворцом. Это было нам на руку. Денис, не задерживаясь, побежал впереди. Он сразу же взял хороший темп. Я пропустил вперед женщин и бежал последним, обеспечивая, так сказать, арьергард. Серая ткань накидок растворила женщин в ночи, и мне впереди видны были только их белые голые ноги. Умница Полкан бежал сам по себе, немного в стороне от нас, страхуя, фланг.

С начала «акции» по моим расчетам прошло не больше трех-четырёх минут, так что пока мы укладывались в «график». Впереди показалась большая автомобильная стоянка с представительскими лимузинами гостей. Денис поменял направление, и мы взяли левее, огибая ее стороной. Босыми ногами я чувствовал ровные, холодные плиты дорожки. Пока никаких задержек не случилось.

– Сюда, смотрите под ноги, – не останавливаясь, сказал портной и свернул в парк. Теперь под ногами была опавшая листва, уже слегка покрытая инеем. Бег замедлился, и я натолкнулся на кого-то из наших спутниц. Тьма была кромешная, Денис прошептал:

– Тихо, пришли.

Мы вышли из-под деревьев. Впереди, на открытом месте я рассмотрел десятка два автомобилей непривычно обтекаемой формы. Охраны, судя по всему, здесь не было.

– Все тихо, – сказал портной, – быстрее за мной.

Денис подошел к небольшой кургузой машине, чем-то напоминавшей когда-то знаменитый Фольксваген-жук. Он оказался прав: в такой мотоколяске впятером, считая собаку, не то, что спрятаться, сесть было не очень просто.

– Вот, – сказал он, со скрытым упреком в мой адрес, – это моя машина.

Рядиться, сетовать и хвататься за голову времени не было.

– Где здесь багажник? – спросил я, вообще не разбирая в темноте, где у автомобиля перед, где зад.

– Здесь, – ответил он, поднимая капот.

Пространство, и правда, было ограниченное, но не такое уж маленькое. Машина оказалась двухместная, так что для багажника место в ней нашлось.

– Там мои инструменты, – сказал Денис, после того, как я ощупал заваленное какими-то коробками днище.

Женщины и собака молча стояли, переминаясь с ноги на ногу.

– Перекладываем все в салон, на свободное сидение, – решил я. – Тогда уместимся.

Денис ничего не сказал и открыл дверцы салона. Мы на ощупь, но довольно быстро, перенесли коробки на правое сидение. Навыков подобного рода операций у портного не было, и само собой получилось, что руководство я взял на себя.

– Полкан, ты ляжешь на пол в салоне, – сказал я, и помог псу устроиться под правым сидением. Он там едва уместился, но сумел свернуться клубком и, в общем-то, нормально устроился.

– Если его заметят, скажешь, что это твоя собака. – проинструктировал я Дениса. – Я внизу, женщины ложатся на меня, – добавил я, влезая в багажник. – Прикроешь нас накидками и сверху положишь узел. И, главное, не нервничай, веди себя естественно.

– Постараюсь, – пообещал парень.

Днище багажника было ребристым, так что лежать на нем было больно, особенно после того, как нечто тяжелое, но вместе с тем приятно нежное и теплое, придавило сверху. Какая из женщин первой легла на меня, я не понял, ночью все кошки одинаково серы.

– Все, – сказал над нами портной, – кажется, успели, можно ехать.

– Тебе не больно, – поинтересовалась у меня Марфа, когда мягко заурчал мотор, и машина тронулась. – Ой, и правда, едет без лошади!

– Нормально, терпеть можно, – ответил я, – вы расслабьтесь и лежите спокойно. Бог не выдаст, свинья не съест!

Внизу прямо подо мной мягко шуршали шины. Ехали мы всего несколько минут, потом остановились. Машина качнулась и щелкнула дверца. Около минуты было тихо, потом послышались шаги.

– Уезжаешь? – спросил незнакомый сонный голос.

– Да, – ответил Денис.

– Слышал, тебя выгнали? – поинтересовался тот же человек. – Суки они и беспредельщики. Мотьку с Максимом тоже чуть не выгнали, потом пожалели и перевели на наружные ворота. Ладно, счастливо тебе.

– Тебе тоже, – как мне показалось, немного сдавлено и неестественно проговорил Денис. – Может, когда-нибудь ещё увидимся.

– Все может быть, – подавляя зевок, равнодушно согласился страж. – Рембо, открывай! Машина снова качнулась, мотор заработал громче, и опять подо мной зашуршали о дорожное покрытие колеса.

– Пронесло! – сказал с облегчением Денис. – Как вы там?

– Нормально, – ответил я за всех.

– Зачем они нас хотели отравить? – подала голос Электра.

– Тебя за компанию, а почему нас, пока не знаю, – не совсем искренне, ответил я.

– У меня мама тяжело болеет, мне никак нельзя умирать! Она без меня пропадет, – сказала горничная, удобнее устраиваясь на моем брэнном теле. – Жалко, хорошая была работа...

– Тише вы, ворота! – нервно, предупредил наш Вергилий.

Машина вновь остановилась. Денис вышел наружу и, видимо, ждал, когда к нему подойдет охрана.

– Чего так поздно? – недовольно спросил чей-то простуженный голос.

– Уволили, – сердито, ответил Денис.

– Чего это у тебя навалено?

– Вещи, инструменты.

– А... Ну, пройди в каптерку, тебе нужно расписаться, что уезжаешь.

Мне было слышно, как захрустели, удаляясь, их шаги.

– Ой, – тихо сказала Марфа, натываясь одной интересной частью тела на мое лицо.

– Молчи! – зашипел я.

Все затаились. Дениса не было уже несколько минут. Лежать внизу было неудобно. У меня начало затекать тело. Ребристый низ багажника больно врезался в тело, и очень хотелось повернуться, чтобы поменять позу. Однако я терпел, не шевелился, и как оказалось, не даром.

– Крепи снизу под сиденье, – тихо сказал снаружи мужской голос.

Вдруг что-то негромко звякнуло металлом о металл.

– Теперь под генератор, – сказал то же голос.

Раздался новый щелчок.

– Все, – с облегчением проговорил новый участник. – Через сколько?

– Десять минут.

– Не рано? Пусть бы дальше отъехал.

– Нормально, чего нам за ним гоняться. Надо бы, на всякий случай, еще и радиоуправляемую положить в салон. Поедем за ним для страховки и если что...

– Брось ты, и так разнесет, ничего не останется!

– Смотри, опять проколемся, больше не простят! И так из-за тех диких сюда сослали. Давай поставим, для страховки!

– Еще чего, ты знаешь, сколько она стоит?! Да я ее лучше маргиналам толкну. Ему и простых зарядов, за глаза хватит.

– А если обе не сработают?

– Тогда мы его просто завалим, а потом подорвем. Знаешь, какие тут заряды! Разнесет в клочья, на том свете не соберут!

– Ну, смотри, на твою ответственность. С тобой как свяжешься...

Теперь я окончательно узнал голоса. Машину минировали те двое охранников, которыми мы встретились возле изгороди. Видимо после нашей встречи их за нерадивость сослали на этот пост.

– Что со мной? Умный ты очень! Что же ты сам мужика не смог завалить?

– Кончай спорить, этот возвращается...

Удаляющихся шагов охранников я не услышал, зато Денис шел уверенно и свободно, наверное, был доволен, что все прошло так удачно. Я с нетерпением ждал, когда он сядет в

машину и, наконец, тронется. Лежать на mine с часовым механизмом оказалось еще труднее, чем свернувшись клубком в багажнике.

Секунды убежали, а Денис все не садился в машину. Хорошо хоть женщины не поняли, чем тут занимались охранки, лежали не шевелясь и не задавали вопросов.

– И куда ты теперь? – спросил портного простуженный голос какого-то вахтера.

– Была бы шея, ярмо всегда найдется, – ответил Денис пословицей. – Пока отдохну, а там видно будет, приищу работу...

– Ну, счастливо тебе, – наконец попрощался вахтер.

Время, когда оно начинает стремительно бежать, почувствовать и просчитать очень сложно. Мне показалось, что затяжки, и задержки уже съели половину срока, отпущенного нам для жизни.

Наконец портной сел за руль и машина мягко тронулась. Почти сразу же остановилась, скорее всего, перед шлагбаумом. Денис молчал, видно кто-то был рядом.

Часы между тем тикали.

– Все, – сказал он, трогаясь и набирая скорость, – кажется, проскочили!

– Остановись, как только нас не будет видно, под машиной мины, – крикнул я, уже не в силах сдержать эмоции.

– К-какие еще мины?!

– Обыкновенные, скорее, а то взорвемся!

Женщины сверху начали активно шевелиться, окончательно впечатав меня в дно багажника. Двигатель заработал на высоких оборотах, и шелест колес превратился в ровный гул.

– За нами сейчас поедут, выбери место, где можно укрыться, – опять подал я голос.

– Тут уже лес, нас не видно, – крикнул Денис и резко затормозил.

Действовал он быстро. Спустя несколько секунд после того, как машина остановилась, уже открыл капот и отбросил прикрывавшие нас накидки и узел.

– Бабы быстро в лес! – взвыл я, буквально выпихивая наружу замешкавшихся спутниц. – Спрячьтесь за деревьями!

Тело у меня так затекло, что ловко выскочить из машины не получилось.

Я схватился руками за края багажника и силой рук выбросил себя наружу. По обеим сторонам дороги темнел лес. Женщины, спотыкаясь и падая, бежали к деревьям. Они были голыми и я даже смог разглядеть кто из них кто.

– Где мины? – нервно спросил парень.

– Под твоим сиденьем и генератором, – ответил я, выпуская Полкана из салона. – Должны были взорваться через десять минут! Беги, пока их найдем – рванут! Забери узел...

Денис подхватил нашу одежду и помчался к деревьям, за которыми исчезли светлые тела спутниц. Я собрался бежать вслед за ними, но тут портновскую колымагу осветили мощные фары. Пришлось стремительно присесть за кузов, чтобы не торчать на виду. Завизжали тормоза и, не доезжая до нас двух десятков метров, остановилась невидимая машина. Я торопливо вытащил из багажника саблю и кинжал. Обнажил клинки.

К нашей машине уже бежало два черных, от светящих им в спину фар, силуэта. В руках у них, судя по теням, были автоматы. Кто они, гадать мне нужды не было.

– Ушел, – кричал один из охранников, умудряясь к одному глаголу присовокупить десяток очень обидных для Дениса прилагательных.

– Я тебя говорил, – закричал на него товарищ. – Все ты!

Раздумывать у меня времени не было. Пока меня не увидели и не прошли очередью, нужно было попытаться защититься и перехватить инициативу.

Первая тень резко остановилась и засунула голову в открытую дверь машины, вторая пробежала дальше и наскочила на меня. Вернее будет сказать, не столько на меня, сколько на стальное острие кинжала.

– Ах, ты! – начал, было, удивленный охранник, но я не дослушал, вырвал кинжал из податливого, оседающего тела и рубанул саблей по виднеющейся из машины спине второго.

Этот второй оказался более голосистым и закричал так, что у меня заложило уши.

Однако и с ним разговаривать я не стал, вырвал из оставшейся снаружи руки короткий, незнакомой конструкции автомат и бросился к их машине. Другого выхода просто не было. Если там окажется третий, то никуда убежать я не успею, а так хоть умру «героем», лицом к лицу с врагом.

Однако нам сегодня крупно везло. Их оказалось только двое. Я заглянул в салон. В потолке тускло светила лампочка. Двигатель работал. Осталось только сесть и поехать. Это я и сделал. Юркнул на водительское место и начал шарить рукой в поисках коробки передач. Но ни рычага переключения скоростей, ни сцепления, ни привычных педалей на нужных местах не оказалось. Педаль вообще была всего одна. На нее я и нажал. Машина как кенгуру прыгнула вперед, взвывая мощным двигателем. Каким-то невероятным рефлекторным движением, мне удалось вывернуть руль и не столкнуться лоб в лоб с автомобилем Дениса. Заскрежетало железо, и в сторону полетела оторванная ударом, приоткрытая дверка его машины. Я резко бросил педаль, тотчас пронзительно завизжали тормоза, а сзади так рвануло, что машину дернуло вперед. В зеркалах заднего вида взметнулось пламя. В первый момент я даже не понял, что произошло и кто взорвался.

Глава 7

Остатки машины горели весело и празднично, так, будто она была сделана из картона. Я стоял невдалеке, переминаясь озябшими ногами. Вся моя компания медленно возвращалась из леса на дорогу. Группа получилась странная, один одетый и трое голых.

– Это кто был? – спросил меня Денис, помогая девушкам перескочить придорожную канаву.

– Охранники, проверяли, как ты взорвешься, – объяснил я и так очевидное.

Рассматривать, что осталось от наших бывших знакомых, мне не хотелось. Взрыв так все разметал, что собирать их останки нужно было специальной следственной команде, прочесывая окрестности.

– Ну что, нужно ехать дальше, – сказал я, когда все стояли рядом. – Только сначала оденемся.

– А мне одеваться не во что, – сказала Электра.

Я невольно посмотрел на нее, пожалуй, впервые внимательно. Огонь красиво подкрашивал ее кожу красными и розовыми всполохами, и наша горничная показалась мне очень даже ничего...

– Надо посмотреть в машине у этих, может быть, что-нибудь найдем, – сказал я, возвращаясь к автомобилю охранников.

Их машина не в пример малолитражке Дениса была большой, и немного напоминала внедорожники начала века. Сначала я осмотрел салон, потом багажник. Там, на счастье Электры, оказалась форменная защитная куртка. Не бог весть что, но до начала бедер она ее прикрыла.

Пока мы одевались, Денис справлял поминки по погибшему четырехколесному другу. Впрочем, больше машины его огорчила пропажа портновских материалов и инструментов.

– Это же были уникальные программы, – жаловался он, – четырнадцать тысяч моделей!

– Их что, невозможно восстановить? – спросил я.

– Все возможно, только откуда у меня такие деньги, – уныло сказал Денис.

– Главное, это то, что ты остался в живых, а остальное наживется, – сказал я обычную в таких случаях банальность. – Подумай лучше, куда нам лучше ехать?

– Поехали ко мне, куда же еще...

– Если завтра эти... из имения, разберутся, кто взорвался в твоей машине, то...

– А если к моей маме? – предложила Электра, кутаясь в защитную куртку.

Я совсем не знал теперешних порядков и кроме как вопросами, ничем в обсуждении помочь не мог.

– Мамин адрес в имении знают? – спросил я девушку.

– Конечно знают, я там раньше жила.

– Тогда думайте, у кого можно спрятаться из тех, кто с вами никак не связан. Кто-нибудь из дальних родственников, друзей детства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.